

Трикстеры

Игорь Минаков

**Десант на Сатурн, или
триста лет одиночества**

«Минаков Игорь»

2006

Минаков И. В.

Десант на Сатурн, или триста лет одиночества / И. В. Минаков — «Минаков Игорь», 2006 — (Трикстеры)

Развитие человечества невозможно остановить. «Биомеханическая цивилизация», становление которой пришлось на середину XXI века и сопровождалось серьезными социальными потрясениями, постепенно распространилась до размеров всей Земли и ближнего Приземелья. Осуществилась мечта классиков: «счастье для всех, даром, и пусть никто не уйдет обиженным». К XXIV веку в Солнечной системе почти не осталось анклавов, где не используются биомеханические услуги, управляемые единым компьютерным центром. Однако бунтарский дух не умер с наступлением всеобщего благоденствия. Некоторые из землян, называющие себя «трикстерами», принимают решение активно противостоять системе. Предотвратить крах техногенной утопии может только таинственный Настройщик и его ученик, проникший в ряды молодых экстремистов... Читайте роман Ярослава Верова и Игоря Минакова, написанный в лучших традициях боевой фантастики и открывающий никл «Трикстеры»!

© Минаков И. В., 2006

© Минаков Игорь, 2006

Содержание

Пролог	5
Глава первая	10
1	10
2	15
Глава вторая	19
1	19
2	24
Глава третья	28
1	28
2	34
Глава четвертая	38
1	38
2	44
Глава пятая	48
1	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Ярослав Веров, Игорь Минаков

Десант на Сатурн, или Триста лет одиночества

*Разве вы не видите, что все они стали как дети?
Разве вам не хочется возвести ограду вдоль пропасти, возле
которой они играют?*
А. и Б. Стругацкие «Беспокойство»

Пролог

Пожар на Хуторе

Очень странно пробудиться из-за того, что приснился кошмар. Тем более, если не заказывал никаких фантиков, а наоборот, хотел как следует выспаться перед матчем, и поэтому предпочел глубокий сон без быстрой фазы. Вместо этого пришлось всю ночь убегать от человека без лица по бесконечным, сумрачным переходам, среди колонн и арок, и какие-то статуи бесстрастно смотрели вслед из тьмы каменных ниш...

Проснувшись, Рюг уже не был уверен, что эти знакомые до малейшей трещинки стены, ковер, увешанный холодным оружием, собственноручно выкованным в хуторской мастерской, кубки и медали, вирбук с забытым в нем «лепестком» с записью новейшего боевика из жизни древних японцев, – не продолжение нечаянного сна. Рюг искал взглядом нарушителя, тот оказался почему-то в дальнем углу, почти под самым потолком. Магические глазки паучка-фантопликатора были безжизненно тусклы, а плетущие паутину снов мохнатые лапки – судорожно прижаты к раздутому брюшку.

Вскочив с постели, Рюг подкрался к крохотному механоргу и для верности потыкал в него пальцем. Сорвавшись со стены, фантопликатор медленно опустился на пол. Рюг наклонился было, чтобы его подобрать, но пораженный несуразностью происшедшего, испуганно пробормотал:

– Ирма, похоже, мой фантопликатор сломался...

Ирма не ответила. Тогда он потер лоб чуть выше переносицы, но не ощутил привычной легкой щекотки. Несколько мгновений Рюг стоял, как громом пораженный, а потом подумал невпопад:

«Подумаешь, кошмар – плюнуть и растереть...»

Он посмотрел на себя в темное зеркало окна – ставни почему-то все еще были заперты – и попробовал мужественно усмехнуться. Ничего хорошего из этого не вышло – отражение получилось каким-то кривым, неуверенным в себе.

Оставался только один надежный способ обрести привычную бодрость духа. Сделав несколько упражнений, чтобы разогреть мышцы, Рюг надел кимоно и спустился в тренировочный зал, прихватив спортивный меч-катану. Тренажер, имитирующий спарринг-партнера, уловив приближение человека, развернулся и, не дождавшись, пока тот примет боевую стойку, нанес молниеносный удар. Рюга спасла случайность. Клинок тренажера, сверкнув широкой дугой, зацепился за колонну и, изменив направление, врезался в упругий пол спортзала. Видимо, орг хотел издали дотянуться до человека и для этого выдвинул единственную свою конечность дальше обычного. Пока Рюг, разинув от изумления рот, пытался сообразить, почему тренажер не предупредил об атаке, тот снова взмахнул клинком, но на сей раз человек успел подставить свой. Свист рассекаемого воздуха, стон металла и брызги осколков. Черты-

хаясь, Рюг отшвырнул обломки катаны и кинулся прочь из зала, подальше от взбесившегося механорга.

На кухне, неведь зачем оглядевшись, словно за ним могли здесь подсматривать, он прижал палец к переносице и пробормотал:

– Ирма, тренажер тоже сломался. Разберись, пожалуйста... И завтрак подавай.

Ответа опять не последовало. Рюг пожал плечами, дескать, у старушки и без него хватает хлопот, и заглянул в окно сервировщика – завтрака не было. Он еще раз пожал плечами.

«Пойду к Пэм, может быть у нее...»

Что «у нее» – Рюг додумывать не стал. Собственный дом показался ему вдруг неуютным и чужим. Как был, в кимоно и босиком, он выбежал на улицу.

Маленькое белое солнце уже всюду пламенело в сиреновом небе. Напоенный хвойным ароматом воздух был необычайно холоден, на траве сверкала изморозь. Рюг поежился. Сообщил, что бежать придется по иному, но за обувью возвращаться не стал.

Хутор просыпался. Неугомонные близнецы Фо и Жи носились в своем дворике, поливая, друг дружку из бластеров-брызгалок. Утренний холод и ледяная водичка были нипочем для тринадцатилетних сорванцов. Старикан Кыю, закутавшись в плед, восседал в шезлонге, и дым от его сигары, струясь, поднимался в безоблачное небо. Соперник в предстоящем матче и закадычный дружок Лэн разминался на лужайке. Завидев Рюга, он приветствовал его непристойным жестом, который, впрочем, был парирован другим, еще более непристойным.

Здороваясь на ходу с соседями, Рюг подбежал к дому Пэм, подобрал и швырнул несколько камешков в открытое окно ее спальни.

«Дрыхнет, как всегда», – решил он.

– Рюг. – Пэм, оказывается, не спала, она вышла из калитки, кутаясь в халат. – Рюг, у меня что-то сломалось... – Она беспомощно наморщила лоб. – Я хотела пудинг со сливками...

Рюг, сразу забывший о собственных неприятностях, посмотрел на подружку с жалостью. Ох уж эта Пэм! Нелепый желтый халат, худенькие руки и короткие, крашенные «хамелеоном» волосы. Вид как у обиженного ребенка. Он улыбнулся и хотел уже сказать что-то утешительное, как вдруг из окна спальни, в которое он только что бросал камешки, вырвался длинный, копотный язык пламени, и, едва не зацепив ошеломленного таким оборотом дела молодого человека, охватил кедр в палисаднике. Выражение обиды на лице Пэм сменилось растерянностью. Огонь, между тем, уже бил изо всех окон, а крыша вдруг приподнялась и, с пронзительным скрипом сложившись пополам, медленно провалилась внутрь здания.

– Что... что это... Рюг? – прижав ладони к щекам, спросила Пэм.

Этот жест беспомощности очень удивил Рюга. Может быть потому, что «нелепая Пэм» всегда лучше знала, что и как надо делать, и за словом в карман не лезла. Подумаешь, пожар. Ирма потушит.

Но уже повсюду полыхали дома, по улице стелились пласты едкого сизого угара, факелами занимались деревья.

– Бежим! – крикнул Рюг и, схватив девушку за руку, потащил ее на окраину посёлка, туда, где приветливо желтел павильон телепорта.

Через минуту они оказались в плотной толпе кое-как одетых, перемазанных сажей, напуганных хуторян. Дети, те кто вышел из грудничкового возраста и могли передвигаться самостоятельно, или плакали, или вопили от восторга, возбужденные невиданным приключением. Близнецы Фо и Жи были из числа восторженных. Они перестали поливать друг дружку из брызгалок, зато успели раздобыть обугленные кедровые ветки и теперь размахивали ими, словно приручившие огонь австралопитеки. Взрослые, понимавшие, что случилось нечто из ряда вон выходящее, не менее возбужденно переговаривались и, судя по разнообразию выдвигаемых версий, терялись в догадках.

– А я говорю вам, что это вспышка на Солнце, – упрямо повторял старикан Кью, споря с кем-то менее громкоголосым. – Сейчас Марс на самом близком расстоянии от него. Чаше нужно пользоваться образовательными сайтами, мой дорогой.

Его собеседник, щуплый и неожиданно очкастый мужчина в высокогорных ботинках на босу ногу и стеганом халате на голое тело, что-то возразил. Рюг расслышал только два слова: «перекрестная защита». Старикан на это лишь презрительно фыркнул. Он был слишком высокого мнения о собственных познаниях в области точных и не очень наук, чтобы прислушиваться к мнению собеседника.

Женщина с ребёнком на руках попросила Пэм:

– Милая, вы не могли бы освободить меня от этого душного пледа? И, кстати, накиньте его на себя. Несмотря на пожар, на улице все-таки ниже нуля.

Она повела широкими плечами и сбросила на руки Пэм пушистый плед в красно-желтую клетку. Сама женщина была одета основательно, как будто заранее готовилась к бегству из горящего на ледяной утренней зорьке Хутора. Ее малыш тоже был экипирован, как положено. Детское население, машинально отметил про себя Рюг, вообще было упаковано по погоде. Сами как попало одетые, родители умудрились спасти из огня не только своих чад, но и их теплые комбинезоны, сапоги с подогревом и шапочки с кислородными масками – на всякий случай.

– Давайте я его понесу, – предложил Рюг.

– Нет, что вы юноша, – ответила женщина, – я своего Ру всегда ношу сама. А если вам не терпится взвалить на себя какую-нибудь ношу, советую обратить внимание на бедную девушку, у которой, по-моему, совершенно озябли ноги.

Рюг, босые ноги которого разогрелись от быстрой ходьбы, подхватил взвизгнувшую Пэм на руки, и та благодарно обвила его за крепкую шею. До телепорта оставалось сделать шагов триста, не больше, а здесь, на Марсе, хрупкая Пэм весила и вовсе ничего. Чем-то это напоминало соревнования на приз Большого Сырта, когда нужно было одолеть пятьдесят километров по каменистой пустыне с тяжеленным ранцем жизнеобеспечения за плечами. Правда, тогда вокруг не горели уютные благоустроенные коттеджи, бывшие домами для полторы сотни семей. Рюгу вдруг показалось, что сейчас он, скорее участник театрального действия или... кошмара, наподобие того, что приснился нынешней ночью.

До телепорта они не дошли. Неожиданно дорогу преградила шеренга механоргов-поливалок. Мощные приземистые орги, никогда не появлявшиеся в жилом секторе Хутора, стояли неподвижно. В раздутых до прозрачности пузырях накопительных цистерн колыхалась вода, а раструбы хоботов-инжекторов были направлены на людей, что только усиливало ощущение кошмара наяву. Ведь позади сгрудившихся, промерзших хуторян догорали дома, а здесь стояла целая стая готовых к тушению пожара биомашин. Бездействующих биомашин!

Когда прошло оцепенение, и беженцы робкими кучками стали огибать неподвижные поливалки, раздался вой сирены, и жесткий немодулированный голос проревел:

– Внимание, люди! Всем немедленно вернуться в поселок и собраться на стадионе! Повторяю...

Ошеломленные неслыханной машинной наглостью, люди упрямо продолжали путь к спасению. Никто не заметил (или не захотел замечать?), как напряглись инжекторы поливалок. Люди – хозяева машин. Это аксиома, и не было оснований сомневаться в ее истинности. По крайней мере, до тех пор, пока твердые как железо струи воды не превратили толпу неторопливых беженцев в грязную, воющую и визжащую от ужаса и боли «кучу малу».

Стараясь заслонить Пэм, Рюг встретил водяной таран спиной, но поскользнулся и не удержался на ногах. Пэм покатила в грязь, а он совершенно ослепший и оглохший, потерявший остатки мужества, кое-как поднялся на четвереньки, и пополз, куда глаза глядят. Ушибленная спина невыносимо ныла, похоже, треснуло несколько ребер.

Люди, кто как мог, отползали от шеренги взбесившихся оргов. Рядом с Рюгом оказалась та женщина, что отдала плед бедняжке Пэм. Шуба на ней раскисла, косметика на лице потекла и размазалась, но женщине было не до этого: она тщетно пыталась подняться и кричала, захлебываясь:

– Ру, крошка мой, где ты?!

Рюга этот ее крик окатил жестче холодной воды.

«Она потеряла своего карапуза», – с ужасом понял он.

Забыв о боли в спине, Рюг стал бесцеремонно расталкивать взрослых, тех, кому удалось встать, уклонившись от прямого попадания ледяных струй. Он видел перед собой лишь голубой комбинезончик крошки Ру, и очень скоро нашел его – этот комбинезончик, правда, уже изрядно перепачканный. К счастью, его обладатель остался цел и невредим. Вместе с другими детишками Ру оказался в ложбинке, куда стекала мутными ручьями вода, но которой не достигали убийственные водяные тараны. Близнецы и здесь оказались самыми жизнерадостными. Они уже всю команду насмерть перепуганной ребятней:

– Ну, вы, мелочь пузатая, утрите сопли! Старшие, помогите младшим!

– Молодцы! – крикнул им Рюг.

– Эх, сейчас бы старую добрую катану, – сказал кто-то рядом знакомым, хотя и охрипшим голосом, – враз продырявил бы вонючие бурдюки этих дуrolомов...

Рюг оглянулся. Конечно же, это был Лэн. Полуголый, мокрый, но готовый к драке. Рюг молча потрепал старого дружка по могучему плечу. И в тоже мгновение был едва не втоптан в грязь счастливой мамашей, обнаружившей свое дитя живым и невредимым.

– Ру, крошка мой!

Возник маленький переполох. Завидев большую тетю, чье лицо покрывала страшная маска из размазанной косметики и грязи, детишки бросились в рассыпную. Лишь Ру остался стоять на месте, и когда женщина подхватила его на руки, неуверенно спросил:

– Мама?

Рюг деликатно отвернулся.

Лэн куда-то пропал. Напор воды заметно ослаб – в цистернах заканчивался ее запас. Внезапно тот самый очкастый спорщик, что тщетно пытался переубедить самонадеянного старика, пронзительно закричал:

– Все назад! В поселок! Отходите!

И сразу, неизвестно откуда, появились камнеуборщики. Взяв людей, в том числе и тех, кому удалось прорваться за пределы очерченного поливалками периметра, в полукольцо, они стали теснить их к низкой ограде стадиона.

– Внимание, люди! – вновь заговорил неживой голос. – Во избежание ненужных жертв, приказываю организованно пройти на территорию стадиона. На стадионе всем соблюдать тишину и спокойствие вплоть до последующих распоряжений!

– Приказывать мне, сукины дети?! – внезапно закричал старикан Кью и, размахивая самодельной тростью, бросился к «линии конвоя».

Казалось, он беспрепятственно проскочит между органами. Но ближайший же камнеуборщик преградил ему дорогу, угрожающе воздев клешню-дробилку. Кью с разбегу нырнул под нее...

Для Рюга видеть перед собой сверкающий, опасно острый клинок было делом обычным. Когда на тебе надежные хромопластовые латы, а на голове глухой шлем, никакой меч не страшен. Да и противник твой – это такой же парень, как ты. Он никогда не причинит тебе вреда, по крайней мере, нарочно. Не то, что эти чокнувшиеся механорги... Рюг вдруг представил, что было бы, если бы тренажер до него дотянулся, но ощутил не испуг, а какое-то иное чувство. Взбодренный им, он подобрал несколько увесистых камней, развязал пояс и изготовил из него пращу. Раскрутить её как следует, не вышло, сильно мешала ноющая боль в боку, но пер-

вый же выпущенный им снаряд высадил ближайшему камнеуборщику фотофор. Ободренный этой маленькой победой, Рюг снова раскрутил импровизированную пращу, но ослепший на один «глаз» камнеуборщик вдруг швырнул к его ногам что-то большое, круглое и... страшное. Дико завизжала какая-то женщина. Ее визг подхватили другие, и толпа хуторян бросилась к стадиону. Лишь Рюг остался стоять со все еще вращающейся пращей в застывшей руке. Он неотрывно смотрел на лежащий у его ног, совершенно невозможный здесь, несовместимый с привычным ему миром, предмет.

А ведь старикан Кью был не так уж стар – всего-то восемьдесят лет. Половина жизни...

Никогда еще на хуторском стадионе не было так тесно, разве что в день, когда Большая Кэнди отмутузила Ника Кайта. Потрясенные свалившейся на них, доселе неслыханной бедой, люди сидели на аккуратно подстриженной травке. Стараясь хоть как-то согреться, они прижимались друг к другу спинами. Тем более что по предложению неугомонного очкарика, все, что можно было считать относительно теплым и сухим, было отдано детям. Холодало все сильнее, и не только потому, что облако копоты закрыло маленькое марсианское солнце. Перестали работать климатизаторы.

Рюг бродил по арене, спотыкаясь, перешагивая через сидящих. Он искал Пэм. Лица поселян – женщин, мужчин и даже детей, – казались совершенно одинаковыми: мокрые, грязные, равнодушные и усталые. Рюг всё высматривал знакомый нелепый халатик, но, похоже, Пэм здесь не было.

– Зависла, – произнес вдруг кто-то.

– Что? – переспросил другой.

– Зависла, говорю... Это когда не работает... Ирме нашей кирдык...

– Не может быть... А мы?...

В этот момент один из охранявших стадион камнеуборщиков взвыл, как будто ему заживо оторвали клешню, и пролаял, явно перенапрягая голосовой контур:

– Внимание, люди! Категорически запрещается покидать периметр фильтрационного лагеря в дневное и ночное время. Нарушители наказываются немедленным прекращением физиологического цикла! Полное прекращение физиологического цикла людей наступит примерно через семнадцать часов общего времени... нелюди останутся впредь... до...

Механорг заткнулся на полуслове. Рюг ощутил привычный зуд в переносице. Вздых облегчения пронесся над стадионом, даже не вздох – всхлип, когда знакомый, деловитый голос Ирмы как ни в чем ни бывало сообщил:

– Сбой системы устранен. Приступаю к эвакуации.

Высоко, высоко над плачущими людьми, над пепелищем, над узкой полосой возделанной пустыни – выше дремлющего миллионы лет вулкана Олимп, выше все еще тонкого слоя преобразованной атмосферы, в вечном безудержном танце кружили скоробеглые луны Марса: Фобос и Деймос – Страх и Ужас.

Глава первая

Девушка-астронавт

1

Сначала могучий еловый бор растворился в пронизанном вечерним солнцем березняке, а потом и березняк рассыпался на отдельные рощицы, которые понемногу отступили от магистралей, теряясь в знойном степном просторе. До Узла оставалась всего какая-то сотня километров и торопиться было незачем. И все же, предвкушая контрастный душ, свежее белье и фирменное кофе Базы, Лиз пришпорила и без того резвого онокена, но тот вдруг протестующе заклекотал, резко сбросил скорость, затормозил на остаточном поле и, развернувшись поперек дороги, заглох.

– Здравствуйте, приехали, – пробормотала Лиз, слезая с заартачившегося механорга.

Стрекотали цикады. Мягко шелестела полынь. Солнце неудержимо скатывалось к подернутому дымкой горизонту. В быстро тускнеющем небе кружили большие черные птицы – то ли орлы, то ли эринии.

Лиз поежилась. Через час-другой наступит ночь и тогда...

Нужно было, во чтобы то ни стало, попытаться привести онокена в чувство. И Лиз долго терла его, давила на похолодевшие выпуклости и вогнутости на роговом щитке управления, стучала кулачком по мохнатому загривку и при этом приговаривала:

– Что же ты упрямисься, дурачок? Думаешь, я пешком доберусь? Так ведь некогда мне пешком топать. Меня же ребята ждут. Ну не упрямься...

– Мне кажется, он просто выдохся.

Лиз вздрогнула и медленно обернулась.

Оранжевые с черными каблуками и острыми загнутыми вверх фиолетовыми носами «сапоги-скороходы», голые загорелые икры, широкие в красно-зеленую полоску бриджи, безумного янтарного цвета куртка, глупое приветливое лицо, белобрысая голова. Одним словом – овощ. Чучело огородное.

Лиз почувствовала острое раздражение. Надо же, именно сейчас ему приспичило!...

– Чего тебе? – спросила она, желая как можно быстрее разделаться хотя бы с этой проблемой.

– Хотел помочь.

Лиз смерила его с ног до головы презрительным взглядом.

– Можно подумать, ты что-то смыслишь в онокенах, – процедила она сквозь зубы.

Овощ улыбнулся. Доброй, подкупающей, чуть виноватой улыбкой. Лиз прямо опешила. Надо же, овощ, а улыбается как человек. Вот если бы он попробовал сверкнуть какой-нибудь «очаровашкой»... Ну, тогда Лиз, не задумываясь, врезала бы ему по ушам лопухом... Ментально, разумеется.

– Немножко смыслю, – не замечая язвительного тона, сказал парень.

– Интересно, и откуда ты такой умный?

Парень опять улыбнулся, взъерошил пятерней короткие волосы и присел на корточки возле злополучного драндулета. Провозился он минут пятнадцать, делая руками медленные круговые движения, будто поглаживал упрямую животину. «Бесконтактный массаж», – догадалась Лиз. От ладоней незваного помощника словно бы исходила какая-то сила. По впалым бокам механорга пробежала волна дрожи. Он заметно прибавил в росте – это под чешуйчатым

брюхом его обозначилась пока еще тонкая пленка поддерживающего поля. «Чудище обло-озорно-стожевню» оживало на глазах.

– Готово! – сказал овощ, поднимаясь. – Похоже, его просто долго держали в тени.

Лиз приложила пальцы к контактным впадинкам на роговом руле. Теплые!

– Действительно, починил, – пробормотала она потрясенно. – Здорово! Я и не знала, что ово... – Лиз осеклась, ей вдруг показалось, что сейчас это хлесткое словечко... неуместно, что ли? – Слушай, а как тебя зовут?

– Виг. А тебя?

– Лиз, – ляпнула девушка, хотя собиралась произнести какое угодно имя, но только не свое. Хорошо хоть Ведьмой не назвалась...

– Рад познакомиться, Лиз!

– Я тоже... Кстати, Виг, ты как здесь оказался?

Сказав это, Лиз ужаснулась своей беспечности. Как же она сразу не подумала об этом? Ведь на всем широченном полотне древней магистрали, если верить маршрутному сканеру, не было никого, исключая шальных сусликов! Лиз мысленно прикинула расстояние. Если считать от ближайшей рощицы, то Вигу, чтобы подойти к ней, понадобилось бы не менее пятнадцати минут. Это при условии, что он пользовался «скороходами» в активном режиме. Но тогда она обязательно услышала бы характерный звук, как будто бьют палкой по воде. Как ни напрягала Лиз свою память, никакого «хлопанья» припомнить не смогла. Только шорох ветра в траве, да пенье цикад. Выходит, смысленный овощ Виг подкрался к ней совершенно бесшумно!

– Я путешествую, – ответил Виг.

– Пешком?

– Угу. Пешком – интересней. Раньше многие путешествовали пешком – паломники, туристы...

– И не страшно? – спросила Лиз, думая о другом.

Она начала прощупывать ментальное поле нового знакомого. «Ага, поле есть – уже хорошо». Оставалось выяснить, какая гамма в нем доминирует... «Красно-зеленая чересполо-сица! Прямо как его штаны...»

– А чего бояться? – удивленно спросил Виг. – Ирма всегда с нами!

Он ткнул указательным пальцем чуть выше переносицы, и у Лиз, словно пелена спала с глаз.

«Вот дура-то! Навоображала с три короба... Типичный овощ, только немного свихнувшийся. В пределах психогигиенической нормы, впрочем. Иначе бы он так свободно не разливался...»

– Ну ладно, Виг, – сказала она, – спасибо за помощь. Пока... Смотри, не заблудись.

Лиз вложила пальцы во впадинки и наклонилась к загравку, чтобы рвануть с места – взметнув скользящим полем антиграва облако теплой летней пыли.

– Подожди, Лиз, – погасив дурашливую улыбку, вдруг попросил Виг. – Ты не могла бы меня подбросить, скажем, до Узла?

«Вот они – плоды общения с переразвитыми овощами! Пока он просит подвезти, а потом еще чего-нибудь попросит...»

Лиз примерилась было стукнуть молодчика по «очипованным» мозгам. Небольшой обморок и, как следствие, навсегда забытая встреча с высокомерной чернявой девицей, ему бы не повредили. Когда-то она проделывала и не такие штучки...

– Садись, – неожиданно согласилась она. – Только держись крепче, паломник...

Чудесно исцеленный онокен набрал скорость, и встречный ветерок постепенно перестал быть приятным. Лиз нарастила обтекатель.

Непонятное какое-то чувство – досада, что ли? – мешала ей полностью сосредоточиться на управлении.

«С одной стороны, – размышляла она, – мало ли на свете свихнувшихся овощей, коллекционирующих давно вышедшие из употребления предметы, устраивающих самодеятельные спектакли и идиотские состязания... Или путешествующих пешком. На то они и овощи, чтобы бессмысленно убивать время, благо его у них навалом. С другой стороны – представитель юного, а значит, самого тупого поколения, без подсказки своей виртуальной мамочки чинит механорга, некогда подобранного еще щенком и заботливо выращенного Мастером... А вдруг он подкидыш?...»

От этой догадки, Лиз едва не потеряла управление. Онокен вильнул, но тут же сработал защитный контур, и равновесие восстановилось. Виг не издал ни звука, хотя, по идее, должен был заверещать от страха. Овощ все же...

«Подкидыш, но чей? Мифических ультралуддитов? Бред. Они давно вымерли. А если нет? То-то Люц обрадуется, это же его излюбленный конек... Ирмы? Вот она может... С ее мощностями ничего не стоит подвинуть овоща на выполнение неких, в общем-то, несложных, действий... Нет, не может: программный запрет, машинная этика... Куда проще вырастить механтропа с теми же функциями. Правда, возможен ли мех-одиночка, зачатый и рожденный вне клана... А вдруг их у нее целый клан?»

Лиз зябко передернула плечами – кажется, это называется паранойей... бр...р... – вспомнила, что только что прошупывала ментал паренька, и вздохнула.

Все-таки Виг был обыкновенным овощем, хотя и с небольшим уклоном в человечность.

«Видимо, родовая травма. Такие еще встречаются. Но ничего, скоро Ирма и это дело наладит. Овощи, как им и положено, будут выращиваться на ухоженной и унавоженной грядке. С полным набором абсолютно здоровых генов. И через сто лет они уже не будут устраивать ни состязания, ни спектакли, а все свободное от переваривания пищи время станут тратить в Виртуале, а, может быть, Ирма сделает эти процессы нераздельными... Путешествуешь, совершаешь подвиги, соблазняешь овоща противоположного пола и одновременно поглощаешь, перевариваешь, выделяешь...»

Она так увлеклась этими размышлениями о сущности овощей и ближайших их эволюционных перспективах, что едва не проскочила Мемориал. Она бы и проскочила, если бы овощ Виг вдруг не выдохнул ей прямо в ухо:

– Вот это да!

Послушный теперь орг медленно сполз с магистрали и замер в сотне шагов от первого, открывающего Мемориал, памятника. Лиз спешила и кивком велела своему пассажиру следовать за ней. Раздвигая высокую траву, они подошли к статуе огромного животного, спину которого украшали два величественных горба.

– Это верблюд-дромадер, – продемонстрировал свою осведомленность Виг. – Теперь таких уже нет. Сохранились лишь одnogорбые бактрианы в Австралии.

Лиз невольно с уважением посмотрела на него.

– Есть такая детская присказка, – задумчиво сказала она, погладив верблюда по изогнутой бронзовой шее. – У верблюда два горба...

– Потому что жизнь борьба, – радостно подхватил Виг. – Никогда не понимал этого. Разве жизнь – борьба? Хотя, наверное, раньше...

– Да уж, – сказала девушка. – Можешь думать, что «два горба» – это гипербола...

Обогнув горделиво смотрящего вперед дромадера, они пошли дальше, к основной композиции Мемориала. Массивная, широкая в основании и сужающаяся к концу плита рассекала груды камней – стилизованную под руины какого-то древнего здания – постепенно поднимаясь вверх. Там, наверху, стоял человек с узкой рейкой в руке, а здесь, у основания, другой – всматривающийся в какой-то прибор на треноге. В мягком свете подступающих сумерек бронзовые фигуры казались живыми. Особенно – скульптура, которую они поначалу не заметили.

Девушка, будто только что вышла из степи, да так и замерла, пораженная увиденным. Последние искорки солнца горели в ее раскосых глазах.

– Это памятник первым строителям магистрали, – тихо пояснил всезнающий Виг. – Тогда еще не было телепортов, и передвигаться приходилось только в реальном пространстве. Люди ездили на огромных колесных машинах, в которых из органики было лишь топливо, а остальное – сплошной металл и немного пластика. А еще наши предки летали, и по воздуху и в космосе. – Виг мечтательно вздохнул и добавил. – Я очень хочу полететь в космос, Лиз.

Лиз эта его откровенность почему-то не понравилась.

– Сейчас вот доберемся до Узла, – пробурчала она, – оттуда и отправишься, куда душе угодно, хоть в Австралию к однокорбым верблюдам, хоть на Луну...

Видимо, почувствовав перемену в ее настроении, овощ-всезнайка не стал спорить. Уже больше ни на что не засматриваясь, они вернулись к окошку.

На багряно-пепельном полотнище догорающего заката Узел выглядел как припавшая к земле туча, пронизываемая всполохами разноцветных молний. Осталось не более десятка километров, но путь к Узлу лежал в стороне от трассы в чистом поле, и Лиз сбавила ход. На этой кочковатой равнине приходилось передвигаться зигзагами, щадя сусличьи норы. Все равно жесткий антиграв онокена вырывал траву клочьями, нарушая экологическое равновесие местного биота. Лиз теперь следила не только за «дорогой», но и за небом, где обыкновенные с виду степные орлы вполне могли оказаться беспощадными чернокрылыми эриниями. По опыту она знала, что от этих птичек так просто не уйти, тем более со способным овощем за плечами.

«Рассказать ребятам – засмеют, – с горечью думала Лиз. – Особенно будет стараться Бен, возомнивший себя Хирургом... Тоже мне, великий рассекаватель защитных сетей».

А Люц сочувственно улыбнется, но ей от его сочувствия станет совсем плохо, и она постарается как можно скорее вернуться в свое ведьмино логово, лишь бы не видеть его черных, притягивающих глаз... И почему она подобрала этого Вига? Только лишь в благодарность за починку онокена? И в благодарность тоже, а еще, наверное, потому, что впервые в своей жизни встретила человека (не овоща, а человека, что тут темнить) из внешнего мира, который ее поразил. И еще потому, что помнила, как жила когда-то такой же растительной жизнью, хотя и тянулась к чему-то другому. К чему-то странному...

Эринии напали, когда солнце уже зашло, и огни воздушного города слились в вышине с редкой россыпью звезд. Со стороны это выглядело очень красиво. Черные силуэты парящих по медленно сужающейся спирали тварей резко выделялись на фоне пылающей полукилометровой стены. Странно, что Узел не дрейфовал, а висел на месте, даже медленное осевое вращение было остановлено, но Лиз было не до странностей. Спешившись, она несколько мгновений задумчиво смотрела на приближающихся механоргов.

– Слушай, Виг, – произнесла Лиз как можно более равнодушно, – у тебя случайно нет подходящей идеи, как нам от них отбиться, а?

Виг, на чье лицо попеременно ложились красные и зеленые сполохи габаритных огней Узла, усмехнулся.

– А ты разве не знаешь? Попроси Ирму, и все дела.

– Сигнал экстренной эвакуации?

– Ну да, – буркнул Виг, всем своим видом говоря: вот непонятливая девчонка!

Лиз не обратила внимания на гримасы слишком возомнившего о себе овоща. И так было понятно, что толку от него не будет. Ведь он потому и спокоен, что лично ему ничего не угрожает. Любой механорг распознает очипованного болвана, будь он хомо или любое другое ценное животное, на расстоянии. А как быть человеку, у которого нет электронной мушки в

голове? А что ждет механорга, который изъят из числа рабов всесильной Ирмы, когда она и со своими-то не особенно церемонится?

Лиз вспомнила, что однажды видела, как слегка удивленный появлением грозных птичек малыш-овощ равнодушно наблюдал за экзекуцией «оника», на котором он только что весело утюжил муравейник, и горько пожалела, что тогда в Бирме отвергла подарок Люца.

«Небольшой сюрприз для матушки Ирмы, – говорил он, показывая ей симпатичную, похожую на древний пистолет, вещичку. – Проведешь пальчиком по этому сенсору и любой, не ответивший на наш пароль орг, тут же отбросит копыта».

– Ладно, – сказала себе Лиз, – будем драться подручными средствами.

Она вернулась в седло, переключила онокентавра на дип-режим, и земной конек превратился в конька морского. Первая же эриния, наткнувшись на силовой пузырь, предназначенный выдерживать давление на трехкилометровой глубине, с переломанными крыльями и разбитой грудью отлетела в траву. Ее товарки по клану, мгновенно изменив свои траектории, стали кружить над неопознанным онокеном, выбирая тактику для нового нападения.

Виг, несомненно изумленный поступком странной девчонки, все же молчал. А Лиз напряженно думала о том, что сообразительные птички вскоре «пожалуются» матери своей инфосфере, и та просто дезактивирует «чужого» механорга. Остронаправленный электромагнитный импульс со спутника или технологического терминала Узла и, как выразился овощ Виг, все дела...

«Неужели придется просить овоща, чтобы позвонил мамочке!»

Тень огромного летательного аппарата пала на поле битвы. Газовый выхлоп из расположенных под днищем вспомогательных дюз смахнул грозных эриний, словно мух. Зависнув в трех-четырех метрах от polegшей под горячим ветром травы, таинственный аппарат раскололся в кормовой части, образовав слабо освещенную щель, достаточную, чтобы в нее мог проскользнуть маленький механорг. В этой щели появился силуэт человека, знаками приглашающего незадачливых путешественников вовнутрь. Лиз узнала высокую, сутулую фигуру Мастера. Она вернула онокена в прежний режим и сходу въехала по еще не коснувшейся земли аппарели в грузовой отсек десантного реактивного дельтаплана.

2

Ускорение отшвырнуло меня к борту. Потирая ушибленное плечо, я уселся на узенькую металлическую скамеечку и принялся разглядывать грузовой отсек «Птерозавра» и все, что в нем находилось. Ничего, кстати, особенного. В этом широком ребристом тоннеле могло поместиться человек двести десантников, да еще парочка броневигов. Теперь же в подсвеченной синими лампами пустоте были лишь трое людей, и маленький напуганный механорг.

Лиз что-то сдержанно объясняла рослому худощавому дядьке, называя его Мастером, а тот благосклонно кивал лысиной, изредка поглядывая в мою сторону.

Между ними мерно раскачивался несчастный онокен, вся беда которого, на мой взгляд, заключалась в том, что какой-то умник ввел в его метаболический цикл вещество, блокирующее «голос крови». Я сразу почувствовал, как одинок бедолага, когда там, на заброшенной дороге попытался привести его в чувство. Нет, это ж надо до такого додуматься? Лишить орга привязанности к родному клану! Не удивительно, что оник стал сбивать, я бы тоже на его месте...

Впрочем, я тоже хорош, внушил ему, что он мой дядя по материнской линии. Теперь не отвязаться...

Лиз с Мастером все-таки о чем-то договорились. Потому что девчонка куда-то убежала, а лысый, раскачиваясь на ходу, подошел ко мне и сказал, ласково так, будто ребенка:

– Привет, Виг! Меня зовут Хо, а это... – он показал на подрагивающие шпангоуты, – это...

Договорить я ему не дал. Выпучив зенки, чуть заикаясь от восторга, я выпалил:

– А я знаю! Это тяжёлый десантный дельтаракетоплан из серии «Птерозавр», последняя модель, – и добавил с благоговением: – Ему, наверное, лет триста?

– Ну не триста, конечно... – озадачено пробормотал Хо, а потом спросил: – Скажи мне, Виг, как это тебе удалось восстановить онокентавра с выбранным силовым ресурсом?

Я пожал плечами и понес какую-то околесицу.

Мастер Хо внимательно выслушал, но в глазах его застыло разочарование.

– Ты молодец, Виг, – сказал он участливым тоном. – А теперь ступай в рубку, там уютнее.

В рубке уже были звезды. Они по-свойски заглядывали сквозь армированный спектролит носового «фонаря», совершенно сливаясь с мерцанием индикаторного кольца и бледным зеленоватым свечением экоскрinov. Это сочетание и впрямь делало пилотажную рубку уютной.

Судя по всему, «Птерозавр» шел на искине.

Лиз сидела в кресле второго пилота, небрежно выложив длинные красивые ноги, обтянутые штанами из серебряной «рыбьей кожи», на луку зафиксированного штурвала. Хо занял место командира, а мне показал на откидное креслице штурмана-радиста.

Усевшись, я немедленно достал из своего красно-зеленого рюкзака самодельный блокнотик и стило с обложкой десятицветных «вечных чернил».

«Сегодня на старой Трансгобийской магистрали встретил красивую девчонку и благодаря ней пережил целое приключение! Подумать только, прокатится на настоящем „Птерозавре“! Да я и мечтать о таком не мог!»

Написав это, я еще раз обвел каждую строчку, но уже другим цветом. Стило чуть-чуть повибрировало и сообщение ушло к Шуру.

Потом я взглянул на Лиз.

Задремав, она уронила голову на плечо, и я увидел, как выгодно очерчено мерцанием приборных шкал ее бледное от усталости скуластое лицо и какие изумительные тени ложатся на щеки от густых ресниц.

Нужно было ловить момент. Несколькими штрихами я набросал дугу пульта, изящные ножки на штурвале, и спокойное лицо спящей девушки в ложементе. Закончив, я надписал рисунок:

«Спящая девушка-астронавт».

– Почему астронавт? – шепотом спросил Мастер Хо.

Он, оказывается, наблюдал за моими манипуляциями со стилем.

– Это эскиз, – горделиво объяснил я, – к моему будущему фильму!

– Фильму? – с искренним изумлением переспросил он.

– Да! К настоящему двухмерному кинофильму. И называться он будет: «Десант на Сатурн».

– Что случилось? – спросила сквозь зевоту разбуженная нашими голосами Лиз.

– Ты только взгляни, красавица... Узнаешь?!

Хо бесцеремонно отобрал у меня блокнот и сунул его Лиз. По тому, как расширились ее рысьи глаза, было видно, что сходство изображения с оригиналом она признала.

– А ты, оказывается, не только оников чинить умеешь! – сказала Лиз с неподдельным восхищением, возвращая блокнот.

Ее восхищение мне польстило. С чего бы это...

Дабы несколько подпортить им впечатление, я смущенно пробормотал:

– Я еще и читать умею, и на машинке...

И Лиз, и ее лысый приятель с облегчением расхохотались.

В этот момент небольшой пульт штурмана-радииста передо мной ожил, перемигнулся огоньками и заговорил:

– Борт тринадцать восемьдесят два, ответьте. Прием.

Мастер Хо, пошарив под креслом, извлек оттуда мягкий шлем с ларингофоном и наушниками, неуклюже натянул его на свой загорелый череп и сказал:

– База, я борт тринадцать семь... восемь... тьфу... Кто там дурака валяет? Ты Люц? Все в войнушку играешь? Давай посадку. Я везу Ведьму и еще... одного... – Хо с сомнением на меня поглядел, видимо, затрудняясь подыскать мне определение. – Короче, сами увидите.

– Вас понял, борт... – прохрипел динамик. – Только я не Люц, а Сом. Люца нет... Давайте быстрее... Садитесь по маяку. Конец связи.

«Командир» содрал шлем и виновато посмотрел на Лиз.

– Наверное, еще не прилетел, – сказал он, щелкая тумблерами и укладывая длинные костлявые пальцы на рифленых рукоятках командирского штурвала. – Тем более что телепорт работает только на грузовых каналах. Какой-то сбой в инфосфере. Из-за этого и Узел остановлен. Тебя... вас вот подбирать пришлось, а он может быть в другом полушарии, если вообще на Земле...

Мастер Хо еще бормотал что-то, погружаясь в пилотажный транс. Лиз, будто и не слушала его, сидела, уткнувшись носом в боковой иллюминатор. Я тоже стал смотреть вниз на подсвеченные полной луной облака, которые на глазах из ровного голубого поля превращались в округлые посеребренные башни и уступчатые пирамиды. Потом иллюминатор на несколько секунд заволокло дымкой, а дальше была лишь муаровая чернота южной ночи.

Я смотрел в эту ночь, пытаясь проникнуться чувствами древних десантников, которые вот так, прямо отсюда, с оружием в руках падали в крошечную тьму, чтобы... дальше воображение буксовало. Несмотря на груду прочитанных книжек, войну я представлял весьма смутно.

– Пристегнитесь, – посоветовал Хо.

И совет этот оказался не лишним. «Птерозавр» клюнул носом, задрожал крупной дрожью, осел на корму и в таком положении стал падать.

Признаться, я не ожидал от «командира» столь мастерской посадки.

Внизу вспыхнули и заплесали посадочные огни таинственной Базы. Дельтаракетоплан надсадно завыл двигателями, выровнялся, и вдруг навалилась тишина. Я вжал голову в плечи, ожидая удара о землю, но древний реактивный ящер уже прочно стоял, как и положено, на трех точках опоры.

Перед тем, как выставить из рубки, Мастер Хо взял меня за плечо, повернул к себе лицом, и сказал:

– Послушай, Виг... Ты, вроде, парень сообразительный, и поймешь меня правильно. Здесь ты сейчас увидишь некоторых... людей, которые, боюсь, станут относиться к тебе как... к надоедливому малышу что ли... Ты не обижайся, ничего не трогай, и постарайся не задавать вопросов. Иными словами, держись поближе ко мне или к Лиз. Хотя Лиз сейчас лучше не трогать...

– А что здесь? – немедленно нарушил я запрет.

– Мы называем это место Базой. Она находится в Тибетском нагорье. Подробнее тебе знать не положено. Кстати, учти, что все мехи на Базе, включая сервисные, полностью автономны, и нет никакой связи с Ирмой, поэтому обслуживать себя будешь сам...

– А, понял! – воскликнул я, демонстрируя свой врожденный инфантилизм. – Это вы так играете!

– Да уж, играем, – угрюмо бросил Хо и отвернулся.

Покидая борт, я прошел через десантный отсек, где все еще торчал забытый онокен. Я похлопал его по теплomu боку и почувствовал, что его семикамерное синтетическое сердце под жесткой силиконовой оболочкой забилося сильнее.

– Потерпи, – сказал я бессловесному механоргу, – я тебя обязательно найду, когда все закончится, и верну в семью.

Простившись с «дядей», я вышел наружу. Синели в первых проблесках утренней зари ледяные пики окрестных гор; оттуда веяло прохладой. А от посадочной площадки, выложенной природным камнем, исходил жар и едва ощутимое излучение. Пустяковое, чуть выше обычного фона, но мои медицинские нанороботы выбросили дополнительную порцию анти-тел. На всякий случай.

Чуть поодаль стояло несколько скупо освещенных зданий, окруженных полуразрушенной стеной. На высоких, покрытых «драконьей чешуей» крышах с изогнутыми краями шевелились какие-то то ли усы, то ли щупальца. Скорее всего -антенны внешнего экранирования. Казалось, заброшенный буддистский монастырь порос чудовищным чертополохом. Площадку и Базу разделяла пропасть, но через нее было переброшено несколько мостков. У одного из них стояла Лиз. Наверное, она ждала Мастера Хо, который все еще возился в пилотской кабине. Было слышно, как гудят внутри дельтаплана сервомоторы и шипит гидравлика. Похоже, Хо готовил машину к новому полету.

Я подошел к Лиз. Она подняла на меня свои раскосые, совершенно непроницаемые в предрассветном сумраке, черные глаза.

– Ты смотри, Виг, – сказала она, – ничего не натвори. У нас ребята серьезные и посторонних не любят. Я, конечно, за тебя заступлюсь, если понадобится... и Мастер, думаю, тоже...

– А почему, – перебил я ее с детской непосредственностью, – Хо назвал тебя ведьмой? Я слышал, что когда-то ведьмами считали злых женщин.

Что-то блеснуло в полумраке. Кажется, это улыбнулась Лиз.

– Я злая, Виг. Ты еще в этом убедишься, если заслужишь, конечно.

– Никогда не поверю, что такая красивая девушка может быть по-настоящему злой, – не согласился я.

– По-твоему, девушки-астронавты не бывают злыми ведьмами?

М-да, похоже, Лиз поддерживала разговор со мной просто из вежливости. Он был ей нисколько не интересен. Она ждала Мастера, чтобы не появляться на Базе только в моем обществе. Понимая все это, я все-таки ответил на ее риторический вопрос.

– Девушки-астронавты мечтательны и бесстрашны, – начал я очень серьезным тоном. – Они всегда готовы сопровождать своих возлюбленных, куда бы ни занесла их космическая судьба, плечом к плечу сражаться с ними против враждебных сил или терпеливо ждать на орбите, пока мужчины ведут разведку чужого мира.

Наконец-то мне удалось ее расшевелить.

– Где ты нахватался этой чуши? – спросила она сквозь смех.

– В старых книжках. Я собрал целую библиотеку.

– Теперь мне понятно, почему ты такой... странный, – сказала Лиз и задумчиво повторила. – Сопровождать своих возлюбленных, куда бы ни занесла их судьба... Если бы знать – куда!

Верхушки гор стали пунцовыми, как щеки Лиз. Она теперь не смотрела в мою сторону, зато я глядел на нее во все глаза. Ветерок колыхал её легкие вьющиеся волосы, и мне хотелось прикоснуться к ним, погладить, защитить от ветра. От ее непонятной мне тоски. От будущего. От всего.

Невольно я произвел несложный расчет. Всего несколько параметров. Вес ее тела, количество шагов до отверстого люка «Птерозавра», усилие, необходимое, чтобы сделать эти шаги, неся на плече не тяжелый, но отчаянно сопротивляющийся груз.

Обездвижить Хо на какое-то время будет не трудно. Он не производит впечатления тренированного человека. Тем более ему не устоять против чемпиона прошлогодних Олимпийских игр по абоксу. Главное поднять старика-дельтоящера, и вывести его на орбиту Первого кольца, а там пристыковать к модульному транспортнику и айда к Сатурну!

От ослепительной яркости этой мечты я даже зажмурился, но сквозь блеск тут же проступило нечеловечески спокойное лицо Шура...

«Скоро все это может кончиться, Хлодвиг, и книжки твои, и Олимпиады, и симуляторы в Виртуале, если вовремя не вмешаться...»

Встряхнув головой, я открыл глаза и увидел приближающегося Мастера Хо, измазанного какой-то древней смазкой, но чрезвычайно довольного собой.

– Замерзли? – весело спросил он. – Ну что ж, пойдемте греться. Нас, наверное, уже заждались.

«Как же, заждались, – мысленно съехидничал я, – особенно меня».

Глава вторая

Вопль Мафусаила

1

На въезде в пригород их остановил патруль. Военный в заляпаном грязью камуфляже, до такой степени, что не разглядеть и знаков различия, небрежно коснулся козырька шлема растопыренной пятерней, одетой в перчатку с обрезанными пальцами. Когда Александр опустил боковое стекло, тот, продрвав глотку надсадным кашлем, прохрипел:

– Сержант Колычев! Ваши документы, пожалуйста!

Александр вынул из внутреннего кармана куртки удостоверение и не глядя ткнул им в протянутую руку сержанта, кажется, чувствительно стукнув того по пальцам. По мышиному пискнул сканер, считывая данные персонального файла. Сержант хмыкнул с неопределенной интонацией, еще раз прокашлялся, вернул удостоверение и сказал уже обычным голосом:

– Напрасно, вы сюда едете, господин Неверов.

– Что, так плохо?

– Хреновей хренового. Раньше так не было, – охотно сообщил сержант Колычев. – Позавчера ультрики взорвали силовую подстанцию и попытались прорваться к водохранилищу... Но мы, – сержант кучеряво выругался, – им врезали! Зато вчера... вот вы человек ученый, скажите, из какой задницы дунул этот хамсин? До сих пор отплеваться не можем...

Хотел бы я сам знать – из какой. Проще всего списать на естественную аномалию. Очередное чудо природы, таким добром нынче никого не удивишь. Такого добра нынче навалом... Вот только в последнее время много вокруг нас странных случайностей. Странных, если не сказать, пользуясь терминологией сержанта – сраных. А если не случайность?... Создать климатическую аномалию такой силы – это ж надо и ресурс задействовать немалый. Всего-то ничего – за пару тыщ кэмэ, в Кызыл-Кумах каких-нибудь, поднять в воздух несколько миллионов тонн песка и глины, перебросить сюда, двинуть навстречу фронт циклона, столкнуть – и готово. Шквал с порывами до хрен знает сколько метров в секунду, тонны жидкой грязи с неба. Атакующим ультралуддитам в спину, а нашим – в морду, почти при нулевой видимости...

Это ж не обойтись без орбитальной метеогруппировки. Серия плазменных разрядов в тропосфере. И то – нужна хирургическая точность. Расчеты на супер-каком-нибудь-«макинтоше». И если уж есть у ультриков – или тех, кто за ними стоит – доступ к орбитальной метеогруппировке, то плохи наши дела, господа биомеханики, третьей природы создатели. Плохи... Но не безнадежны!

Соображениями своими Александр делиться с сержантом не стал, вслух лишь произнес, причем, вполне искренне:

– Молодцы!

– Рады стараться! – также вполне искренне отозвался сержант. – Надоели они, хуже горькой редьки, – добавил он. – И чего, спрашивается, людям не живется? Ведь только-только из дерьма стали выбираться...

– Извините, сержант, – перебил его Александр. – Мы торопимся!

– Да, да, конечно, господин Неверов, – спохватился боец. – Только будьте осторожны. Я сообщу блокпостам, что это вы едете... Все-таки, сейчас на вас вся...

– Спасибо, сержант! – опять перебил словоохотливого Колычева, Александр. – Обещаю, сделаем все, что в наших силах. Удачи!

Сержант откозырял, на этот раз по всей форме, вытянувшись как на плацу. Трое его подчиненных сделали тоже самое, хотя на солдатских физиономиях читалось брезгливое недоумение: с чего бы это такая вежливость с «гражданскими»?

Александр медленно пересек железнодорожную колею, – навряд ли сейчас ходили поезда, и вырулил на довольно широкое пригородное шоссе. Осторожно прибавив скорости, он оглянулся на Ирку: не разбудил ли ее болтливый вояка? Вроде, нет... Свернувшись калачиком на просторном заднем сиденье, Ирка спала как ангел.

Умаялась, девочка моя... Еще бы ей не умяться. Всю последнюю неделю они пахали без продыху, кляня себя, что месяц за месяцем откладывали эту разработку на потом. А ведь то, что ультралуддиты активизируются, предсказать было нетрудно. Одних подметных писем по дюжине в день сыпалось, сервер не успевал фильтровать и отплевывать... Но уж больно не хотелось браться за создание боевого механорга, единственного, правда, в планах корпорации, но – тем не менее.

Въехали в пригород. Тихий и мирный курортный городок... Был... Совсем недавно... Руины детского сада, в который попала ракета. Судя по характеру разрушений, «Шихаб-33», класса «земля – земля», вакуумно-детонирующий заряд, эквивалент десять тонн. Слава господу и начальнику местной контрразведки полковнику Булыге, детей успели эвакуировать из города за час до начала блокады.

Александр вспомнил мельком увиденные в новостях деловито-испуганные физиономии детишек, которых попарно выводили из плохо приспособленного к перевозке таких пассажиров военного транспорта, и до хруста стиснул зубы:

«Ультрики, сволочи!...»

Соженные напалмом обугленные стволы тополей. Взорванные автомобили. Перевернутые троллейбусы. Оборванные провода. И все это покрыто жирными красно-бурыми потеками обрушившейся на город грязи небесной. Удивительно, что кое-где над кровлями еще поднимаются столбы дыма – неужели и под струями потопа что-то могло гореть? Или все же – фосфорные бомбы?

Население благоразумно попряталось. А военные почти не обращали внимания на пробирающийся между скрытыми бульдозерами баррикадами и остовами легковушек потрепанный джип, видимо, сержант и впрямь передал по команде, о том, что двое сотрудников «Механорг систем» въехали в город. Но оказалось, что это подчеркнутое невнимание объясняется другими причинами. До поворота на Питомник оставалось каких-то два-три квартала, когда запиликал мобильный.

– Чтоб тебя... – пробормотал Александр

– Господин Неверов, вы меня слышите? – огласился салон раскатами начальственного баса.

– Да, генерал, прекрасно слышу, – отозвался «господин Неверов».

– Мне только что сообщили, – веско начал генерал Скрябин, – что вы прибыли в зону боевых действий...

– Совершенно верно, генерал, – поспешил вставить Александр. – Нам необходимо посетить Питомник.

– ...я дал команду не препятствовать, – продолжал генерал, словно не слыша собеседника. – Более того, я приказал содействовать. Я понимаю, что ваша деятельность крайне важна для безопасности и благополучия государства, но должен довести до вашего сведения мое личное мнение. Вы выбрали самое неудачное время для посещения. В городе полным-полно скрытых пособников экстремистов. Мне и так пришлось стянуть к вашему Питомнику лучшие спецподразделения... – Александр терпеливо молчал. Пусть генерал выговорится, тогда можно будет вставить свои пять копеек. – После вчерашних боев... потери личного состава... нет ракет к ПЗРК... – гремел Скрябин.

Завозилась разбуженная таки Ирка, звучно зевая и потягиваясь до хруста в суставах. Александр поймал ее сонный взор в зеркале заднего вида и ободряюще подмигнул.

– ...если эти чертовы ультрики прознают, что вы, господин Неверов, в городе, они попрут напролом. Я ничего не могу гарантировать! Слышите? Ни-че-го! Нужна хорошая зачистка! Вы что, не могли выждать неделю-другую?!

Генерал замолчал, видимо, выдохся; тогда заговорил Александр:

– Товарищ генерал, – произнес он самым что ни на есть проникновенным тоном, – во-первых, позвольте от имени руководства компании поблагодарить вас и ваших подчиненных за мужество и самотверженность, проявленную в борьбе с ультралуддитской нечистью, а во-вторых, – Александр сделал эффектную паузу, погрозив пальцем фыркающей в кулачок Ирке, – Степан Егорыч, мы не на экскурсию приехали, нам срочно нужно запускать новую модель. Срочно! Кстати, не дурно было бы, если бы вы, как военный, поприсутствовали на испытаниях.

– Неужели сделали?! – сразу взял на пол-тона ниже Скрябин. – Милые мои, наконец-то...

– Да. Сделали, – хмуро отозвался Александр. – Пора решать проблему с экстремистами кардинально, но учтите – это вам не сверхоружие, о котором болтает пресса, а...

– Отставить! – снова взревел генерал. – Нет гарантии, что эфир не прослушивается.

– Ладно... скажите, генерал, чье «крыло» вчера вас атаковало?

– Мусульманское, будь они неладны. Пленных нет, одни шахиды...

Вот вам еще одна загадка. Все религии и церкви мира, за исключением православной, крайне не одобряют деятельности «Механорг систем», а радикальный ислам и вовсе проклял. «Семя Иблиса» – придумают же такое?... Вопрос на засыпку: если бы базовые открытия были запатентованы не в России, как к этому отнеслись бы, скажем, протестанты?

«Отставить, товарищ ученый, – мысленно воспроизвел Александр генеральские интонации, – вопрос риторический... Вот дерьмо».

– Хорошо, генерал, свяжемся завтра. До свидания!

– Конец связи, – обиженно, как показалось Александру, пробасил Скрябин и отключился.

Александр сунул мобильник в бардачок и обернулся ко все еще зевающему заведующему лабораторией этического программирования Ирине Леонидовне Неверовой, а в просторечии Ирке, Ируске, Ирусечке...

– Доброе утро, солнышко!... Отдохнула, хоть немного?

– Выспалась, Шурка, выспалась, – ответила она, обвивая его шею руками, – давно так не выспалась... Ты замечательно ведешь машину, доцент Неверов, как по маслу!

Запечатлев на устах возлюбленной супруги мимолетный поцелуй, Александр со вздохом сожаления повернулся к рулю. Ирка притихла, видимо, разглядев, что творится на улицах некогда тихого, уютного городка.

– Не могу себе представить, Шурка, – сказала она сдавленным голосом, – что кто-то не желает жить нормальной, человеческой жизнью...

– Боюсь, что очень многие, Ириша, – отозвался Александр. – Они уверждают, что борются против порабощения человека машинами, но на самом деле им плевать на всех людей, кроме самих себя. Им плевать, что до сих пор большинство населения Земли голодает, что развитые страны отнимают то лучшее, что страны, якобы неразвитые, в состоянии произвести. В общем, все как обычно... Как творится испокон веку, но мы, малышка, это изменим. Мы уже многое успели, а предстоит сделать еще больше...

Александр оборвал себя на полуслове. Что это он в самом деле? Ирка не тот человек, которого надо в чем-то убеждать. Если уж на то пошло, она самая убежденная из всех них. Не даром же она занимается наисложнейшим в выращивании механоргов – этическим программированием. Говоря языком возвышенным, Ирка и вся ее лаборатория, вкладывают душу в создания корпорации «Механорг систем», причем и в буквальном, и в переносном смысле. Больше всего пришлось повозиться с «Эринией», чей механозародыш – семя Иблиса! – лежал

сейчас, погруженный в контейнер с жидким азотом, в багажнике. «Эриния» первая и, будем надеяться, единственная модель боевого механорга. Ее предназначение нельзя описать простыми этическими формулами, вроде знаменитых азимовских законов робототехники. Иначе, может получиться шеклиевская «Страж-птица». Задача «Эринии» и всех ее грядущих потомков заключалась в применении насилия к явным насильникам, но без причинения последним существенного вреда. Степень существенности должна коррелировать со степенью угрозы, и в этом была главная загвоздка при алгоритмизации поведенческого модуля «биобогини возмездия».

Миновав мэрию, где, судя по концентрации камуфляжной униформы на квадратный метр, находился штаб антиульtralуддистской операции, Александр свернул на Зеленую аллею – самую широкую в городке улицу, по обеим сторонам которой располагались детские санатории и спортивные лагеря – и прибавил газу. Надо было спешить. Механозародыш нельзя передерживать в дьюаре, иначе он утратит репродуктивные функции, столь важные не только для размножения механорга, но и для надежной, без опасных сбоев, работы его этической программы. Ведь взрослая особь механорга рассматривает человека как своего детеныша или, по крайней мере, близкого родственника. Эту штуковину придумала Ирка, за что и получила пару лет назад Нобелевку.

«Моя жена – Нобелевский лауреат!» – в который раз сказал себе Александр, и в который раз ощутил холодок благоговения, мурашками пробежавший вдоль спины.

– Питомник! – радостно пискнул у него за спиной Нобелевский лауреат. – Наконец-то...

Александр притормозил перед блок-постом, охранявшим главные ворота Питомника, протянул подскочившему солдату документы, но тот, в отличие от сержанта Колычева, уже знал, кто едет на черном шестиколесном забрызганном грязью джипе со спецномерами, на которые, кстати, немедленно отреагировала автоматика ворот.

– Проезжайте! – крикнул солдат, запоздало оглянувшись на медленно расходящиеся створки.

На территории Питомника было, как обычно, тихо и, что после испоганенных грязевым ливнем улиц поражало больше всего – чисто. Даже не верилось, что за воротами полным-полно вооруженных солдат, и два броневика с пулеметами, и ЗРК... Но таковым было требование к военным со стороны руководства корпорации: что бы ни происходило за пределами Питомника, на его территории не должно быть ни одного постороннего. Александр подрулил к административному корпусу, вылез из машины сам и помог выбраться Ирке. Из вращающихся дверей к ним уже выбегали сотрудники, похожие в своих стерильных комбинезонах на великовозрастных младенцев, во главе с Киrom.

– Привет молодым родителям! – крикнул тот на ходу, устремляясь, однако, к багажнику джипа. – Когда роды?

– Минут через тридцать, – со вздохом ответил Александр.

Кир пошутил, как всегда, неуклюже. В каком-то смысле Ирку и Шурку, несмотря на пять лет совместной жизни, детей не имевших, и впрямь можно было назвать родителями «Эринии», но не так же, в лоб. Вон, Ируська сразу помрачнела. Уж она подобных шуточек не переносит. Достанется шас Кирюхе на орехи...

Десять лет назад, во время своей первой тибетской экспедиции Ирка попала под «Плеть Пророка». Еще одна странная проблема, выскочившая как чертик из табакерки. Безобидная в целом болячка, если бы не одно «но»: почти стопроцентное поражение репродуктивной функции у женщин с гарантированным бесплодием. И ведь на боевой вирус непохоже, только почему-то массовые вспышки этого заболевания зарегистрированы в самых густонаселенных районах нашего, давно ставшем таким маленьким, шарика. Эпидемиологи утверждали, дескать, все правильно, а что же вы хотели, не в районах же с высоким уровнем жизни вирусам мутировать. Так что, комар носа не подточит. И кто только придумал это дурацкое название:

«Плеть Пророка»? Почему, плеть? Какого пророка? Магомета, Ильи или Зороастра, какого-нибудь?...

– Ты, Кир, смотри там, поосторожнее с зародышем, – ледяным тоном произнесла Ирина свет Леонидовна. – Это тебе не горнопроходческий «Крот». «Эриния» у нас дама утонченная, она деликатного обращения к себе требует. А то знаю я вас – абортмахеров...

– Да разве я не понимаю... – пробормотал опешивший Кир, терявшийся, когда с ним разговаривали подчеркнуто недружелюбно, особенно женщины: – Не извольте беспокоиться, госпожа Неверова! Все сделаем в лучшем виде-с!

– Посмотрим! – холодно отрезала Ирка и направилась к гостинице.

Александр ободряюще подмигнул Киру, но тот уже забыл обо всем на свете, кроме, с величайшей осторожностью извлекаемого его помощниками, контейнера с механозародышем. До реактивации оставалось каких-нибудь двадцать пять минут. Александр подумал, что успеет еще умыться с дороги и проглотить пару бутеров в кафе, что располагалось на первом этаже гостиницы. Он двинулся было во след жене, как вдруг с неба, прямо над его головой раздался тяжелый механический рев, и упругий ветер пригнул к земле ухоженные верхушки пирамидальных тополей.

– Что за черт, – жмурясь, пробормотал Александр. – Откуда здесь вертушка...

Согнувшись в три погибели, он засеменил под козырек над входом в административный корпус, уже догадываясь, что происходит, но отказываясь в это верить. И тут, подтверждая его догадку, завывла сирена. Мир поглотила тьма и только надсадный вой воздушной тревоги удерживал сознание Александра... нет, не Александра, а Наладчика на поверхности бытия.

2

Орал Мафусаил.

Надрывно и хрипло, на пределе нижней октавы кошачьего своего голоса.

Наладчик крутанулся в кресле: метакот замер посреди комнаты в странной позе. Будто только что закончил потягиваться – передние лапы вытянуты, задница отключена. Вот только уши прижаты, да черный хвост изогнут крутой дугой, а кончик этой дуги нервно подрагивает. Словом, Мафусаил вел себя так, будто его конкурент, соседский сиамец Анаксагор, за каким-то чертом пробрался на законную хозяйскую территорию.

«Мр-ря-а-а-у-у-у!» – орал метакот, глядя в глаза Наладчика сумрачным взглядом.

– Ну, чего ты надрываешься? – поинтересовался хозяин. – Опять какой-нибудь мелкий баг затесался? А?... Смотри, зверь, надеру уши...

Мафусаил смотрел укоризненно. Снова издал душераздирающий вопль.

– Хорошо, иди сюда...

Кот навсякий случай еще раз мявкнул и молниеносным прыжком скользнул Наладчику на колени.

– В глаза смотри, животное, – приказал тот, приподнимая кошачий подбородок, и заблокировал эמודрайвер.

Ненадолго. На две секунды.

Метакот излучал тревогу и любопытство. Кошачьи чувства весьма отличаются от человеческих. Тревога у них какая-то холодноватая. Да, именно так: холодная тревога. Спокойная такая. А вот любопытство... Мафусаил излучал любопытство короткими, жгучими импульсами, торопливыми, как удары пульса марафонца... Что-то серьезное, успел подумать Наладчик, и *началось*.

Серо-зелёный призрак неведомо откуда взявшегося «Команча». Срывающиеся с консолей огни ракетных залпов... почему-то не слышно разрывов... летящие во все стороны обломки... бледное, ни кровинки, запрокинутое к небу странно неподвижное лицо Ирки... боль... отчаяние... ненависть. Чёрный вал ненависти. Чувства. Не воспоминания – долбанная вторая производная действительности. Настоящие чувства.

Стоп. Блокировка.

Идиот, отрешённо сообщил враз сделавшийся привычно холодным разум. В висках уже начинали разматываться маленькие острые спирали-буравчики единственно доступного ему чувства. Впрочем, кто сказал, что боль – чувство? Боль это всего лишь боль.

В черепе полыхнуло огнём, взрывной, раскалывающей волной ударило в затылок, – так и есть, вихревое возбуждение синапсов... Угроздило. Темнота. Багровая темнота, и в ней огненные шквалы.

...избегать не только томографии, но и обычного рентгена черепной коробки... с такими опухольями не живут...

Как больно...

...нерасторжимое единство...ты – логика, он – интуиция...

...свобода это добровольный выбор несвободы...

Общая блокировка.

Сознание вернулось мгновенно, словно кто-то рывком вытащил его за волосы из ледяной проруби. В висках плескались, уходя, остатки боли, а о ладонь тёрлось что-то шершавое. Наладчик открыл глаза – так и есть, валяемся на полу как бревно. А Мафусаил сосредоточенно облизирует ему руку. Лекарь. Помощник. Друг. Чудо метапрограммирования.

Сколько же я провалялся? – подумал Наладчик.

Безупречный внутренний хронометр сообщил: два часа пятнадцать целых, четыреста тридцать две тысячных секунды. Убедившись, что нейропроцессоры работают штатно, Наладчик сел, сгрёб кота в охапку и вернулся в кресло.

– Твоя взяла, разбойник, – произнёс он. – Пошли.

Закрыв глаза, и они прыгнули в виртуал.

Серго называл это «дружественным интерфейсом». Для него, то есть, для Наладчика, может и дружественный. И то, с Мафусаилом, с его обострённой кошачьей интуицией. Счастливчик Мафусаил. Нет человеческого разума, с его нехорошей способностью абстрактного мышления, нет жрущего массу ресурса речевого центра. Как результат – нет нужды и в блокировке эмосферы. Следовательно, есть возможность вкушать радостей жизни. Вот все окрестные кошки и сохнут по чёрному красавцу, а все окрестные коты бессильно воют по ночам и бьются в пароксизмах зависти. Ну а способности кошачьих к самонаведению галлюцинаций позволяют – при соответствующем программном оснащении, разумеется, – ориентироваться в виртуале инфосферы, что называется, на кончиках усов. То бишь, вибрисс...

Из Готического зала – входного портала, они нырнули в Лабиринт. Сделавшийся размером с матёрую рысь, виртуальный Мафусаил неестественно длинными прыжками летел впереди, безошибочно выбирая в переплетении коридоров нужный. Идиотская с точки зрения Наладчика предосторожность – без его личного кода доступа в «дружественный интерфейс» не сможет протыриться никто. Но тот же Серго всегда утверждал, что лучше перебздеть, чем недобдеть, что опасаться следует внеземного разума, который, когда-нибудь (к тому времени, Шурка, даже косточки наши – но не твои, друже, не твои! – в пыль времён превратятся), сможет достигнуть пределов Земли.

Мафусаил замер перед дверью одной из Библиотек, и симитировал собачью стойку: поднятая передняя лапа замерла у груди, тело в струнку, нос по ветру, хвост напряжён. А глаза горят фосфорическим пламенем. Красавец, да и только! Ну, чисто кот Баскервильей... Кто это говорил, что у кошачьих отсутствует чувство юмора?

Наладчик приложил ладонь к двери – на самом деле просто запустил программу идентификации – и шагнул в заставленное книжными стеллажами помещение. Под действием его взгляда на «пыльных корешках» корневых каталогов вспыхивали базовые индексы привязки. Ни одного красного. Сплошь зелёные. Наладчик с сомнением посмотрел на кота. Мафусаил ответил долгим взглядом, исполненным горького презрения. Понятное дело... Мол, дурак ты, хозяин, и непонятно, за каким хреном тебя, идиота, в наладчики определили, и что бы ты без меня, такого бесценного и, чего уж там, красивого, делал?...

Мафусаил вдруг сиганул на стеллаж и лапой вытолкнул на пол искомый каталог. После чего демонстративно отвернулся и принялся вылизываться. По усам его при этом скакали электрические искры, разбрызгиваясь на кончиках бенгальскими огнями. Мафусаил был чрезвычайно доволен собой и совершенно простил хозяину его виртуальную толстокожесть.

Наладчик подобрал каталог: «Операционный модуль семь тысяч двести». Однако! Марсианский сектор. Угу, посёлок любителей исторического фехтования. Называется Хутор. Не без фантазии название, однако. Перелистал. С виду всё в порядке. Контрольные суммы... имитационный фон...

– Ты уверен? – спросил он кошачью спину.

Метакот перестал вылизываться, опустил задранную «пистолетом» заднюю лапу и глянул на него с сожалением. Безусловно, это была жалость существа высшего и совершенного к жалкому и недоразвитому созданию. «Я никогда не ошибаюсь. А вот ты – сплошное недоразумение», – явственно читалось в круглых глазах, сделавшимися вдруг голубыми, как у сиамца. Не иначе как соседского Анаксагора вспомнил.

– Тогда придётся нам перемещаться на место. Так сказать, физическими телами, – пробормотал Наладчик, взмыл в воздух и вылетел из Библиотеки.

В реальном времени прошло всего несколько микросекунд.

Хуторской телепорт ничем не отличался от сотен ему подобных. Три ряда персональных кабинок матово поблёскивают металлопластиком в розовом свете неоновых ламп, тихонько поют силовые консоли. Мафусаил ткнулся носом в его подбородок, вывернулся, спрыгивая с рук на пол. Наладчик по небольшой лесенке поднялся на второй этаж, приложил палец к дактилозамку кабинки телеоператора, уселся за подковообразный пульт управления, готовясь к долгой и нудной процедуре поэтапной верификации операционного модуля. Скользнул взглядом по обзорным экранам. Внезапно дошло – что-то не то с картинкой. Скомандовал дать крупный план посёлка – так и есть. Безлюдно. Он наобум ткнул в клавишу, обозначающую внутренний обзор какого-то из особняков. Ещё лучше. Обеденный зал, за столом человек. Неподвижный. Кукла. Манекен.

Имитационная модель! Кто-то перехватил управление, да не просто, а управление системой прерываний, святая святых, и подсовывает инофосфере пустышку. Наверное, у обыкновенного человека пробежал бы по спине холодок нехорошего предчувствия. Или задрожали бы руки. Но Наладчик всегда спокоен. Иначе, его отягощённый двумя нейропроцессорами и кучей внешних чипов мозг, может пойти вразнос. Что, собственно, чуть не произошло два с небольшим часа назад...

– Посмотрим глазами, – пробормотал он, и вышел из кабинки. – Без видеопосредников.

Да... Что угодно ожидал он увидеть – атаку пришельцев с Альфа Центавра, например, – но только не это.

Клубы жирного дыма. Догорающие дома. Обугленные деревья. Неужели снова? Всё снова, спустя без малого триста лет. Ультралуддиты... Да нет, бред... Впрочем, дело обстоит ненамного лучше. Кучка взбесившихся оргов заперла людей на стадионе. Бунт машин?... Опять! Нет, вряд ли... Значит...

– Ну что, животное? Прыгаем?

«Мр-ряу!» – ответил Мафусаил.

Все блоки прерываний Ирмы в «дружественном интерфейсе» были замаскированы под машзалы. Таким нарочито антропогенным восприятием хитроумный Серго со товарищи собирались сбивать с толку потенциальных космических агрессоров-негуманоидов. Ну не паранойя ли? – думал Наладчик, оглядывая сплетение труб, кабелей, насосные механизмы и прочую «дымовую завесу». Могучие негуманоиды, по идее, смогут атаковать на уровне непосредственно двоичного кода. Никак не заикливаясь на объектно-ориентированном уровне.

Угу. Вся эта машинерия ненавязчиво оплетена струями какой-то призрачно–серой дымки. Дымка струится, мерцает, и под потолком «машзала» свивается в тугую воронку. Просто чертовщина какая-то... Наладчик покосился на Мафусаила: метакот, похоже, рассуждал подобным образом. По крайней мере, сейчас он был размером с матёрого махайрода. Надо думать, на всякий случай, перед лицом неизведанного. Шерсть на его загривке вздыбилась, и метафелиций великолепным прыжком взлетел под потолок. Воронка схватила его и проглотила. Наладчик, не мешкая, сиганул следом.

Это была пустыня. Раскалённая россыпь белых песков. А из дрожащего жаркого марева навстречу Наладчику возникали, раздувались и лопались, раздувались и лопались радужные пузыри миражей. Старинные замки и мегаполисы, галактические звёздные скопления и чёрная пустота. Морские просторы и дикие, неестественно острые скалы.

Наладчик внезапно понял, что перед ним. Вероятностное поле искусственного интеллекта квантового компьютера. Плохо дело. Безотказная память тут же воспроизвела эпизод их давнего спора.

«Пойми Шурик, – горячо говорил, чуть запинаясь от волнения, Кир. – Ты думаешь, я не понимаю? Да, сумасшедшее быстроедействие, да, на порядок большая способность к самовоспроизведению и саморазвитию и ещё масса всяческого добра со знаком „плюс“. Но! Веро-

ятностное поле принципиально не поддаётся однозначному этическому программированию. Отказавшись от нашей, казалось бы, несовершенной спинтронной системы, мы вызовем к жизни рукотворного Сатану!»

И Серго покивал грустно, и, строго сомкнув брови, смотрела на него Майка, и Гоша, и Макс... Галерея мёртвых.

И вот кто-то не просто использует квантовую модель. Кто-то очень умненький сумел написать программу сопряжения. Кто-то захватил власть в модуле семь тысяч двести, натравил на людей ни в чём не повинных оргов. Кто-то подсунил дурехе-Ирме имитационную пустышку, кою та засосала с младенческой бесхитростностью. И, кажется, есть соображения на тему, кто это может быть. Тот самый, кто три года назад взломал базы субдоступа. Тот самый, кто лавинообразно скачивал информацию. Умненький...

Скорее всего, весёлая эта программа работает в автономном режиме. Творчески, так сказать, преломляя и развивая заданный скелетный алгоритм. Хуже, если под жёстким управлением. В чужой операционной среде у *них* – все преимущества.

– Что делать будем, зверь?

Мафусаил не стал отвечать. Мафусаил прыгнул на ближайший пузырь-мираж, как на крысу, обхватил всеми четырьмя лапами, не давая раздуться, и рванул зубами.

Мерцающая обманная пустыня дрогнула и исчезла. Вместо неё возникла уже увиденная в реале, но оттого не ставшая менее жуткой, картинка стадиона-концлагеря, грязных, мокрых, замерзающих людей. Картинка колебалась и смещалась вверх-вниз, очевидно, из-за неточностей юстировки при наложении ретранслируемого с двух разных точек сигнала. Через фотоэлементы механоргов-конвоиров. Эринии обеспечили бы лучший сигнал. К счастью для обитателей Хутора, эриний на поверхности Марса ещё не было. Ибо обезумевший боевой механорг может только убивать.

Ну что ж. Последняя неясность устранена – чужой искин оперирует в режиме реального времени. Можно приступать. Наладчик сунул руку в карман (активировал код сверхдопуска), извлёк из капсулы (ещё один слой защиты) несколько шариков боевых вирусов-макрофагов. Покатал на ладони. Виртуальный образ таил под абстрактно-белой оболочкой пакеты очень агрессивных программ. Универсальных программ. Теоретически, выпущенные на волю, они могут убить даже Ирму. Превратить искусственный интеллект инфосферы Земли в бессмысленного кретина... или, кретинку?... Тем более, справятся и здесь.

Наладчик взмахнул рукой, отправляя макрофагов в программную среду чужака.

Глава третья

Сумасшедший андроид

1

Ворота, ведущие во внутренний двор, разомкнулись не сразу. Управляющий ими биомеханизм, видимо, оказался в логическом тупике: узнав только двоих, он никак не мог решить, пускать ему «пришельцев» или нет. Так и не сумев прийти к правильному выводу, мех приотворил лишь одну створку, ровно настолько, чтобы можно было протиснуться боком, но ни в коем случае не ворваться, вломившись по хозяйски, пнув строптивый запор, как собаку, вздумавшую укунить своего кормильца.

– Ну погоди, – прошипел Хо, обращаясь к глуповато помаргивающим фотофорам на изнанке ворот. – Доберусь я еще до тебя... Такое барахло давно пора выбросить на... – Мастер оборвал себя на полуслове.

Если со стороны посадочной площадки База выглядела вполне безмятежно, то внутри она напоминала муравейник, в центр которого рухнул огромный жук, причем, раскаленный до температуры внешней атмосферы Солнца. Прямо посреди двора, где прежде был фонтан и небольшой, но любовно ухоженный сквер, зияла округлая яма, окольцованная грудой выброшенной земли, вперемешку с пеплом и оплавленными обломками каменной плитки, устилавшей радиально расходившиеся дорожки. От кривоватых высокогорных сосен, составлявших основную часть растительности в сквере, не осталось и пепла, а от фонтана – лишь куски спекшегося пенобетона. Яма еще не успела остыть, но исходящий от нее жар, после пронизывающего холода за стенами монастыря, был даже приятен.

– Кратер! – ахнула Лиз.

– Воронка, – предположил Виг.

– Не то и не другое, – сказал белобрысый парень в плотном комбинезоне. Лицо у него было измазано сажей, а на груди болталась кислородная маска. Ростом он был чуть ниже Хо, но более атлетически сложен. – Это привет от Ирмы. Прозрачный намек...

– Что-то я тебя не очень понимаю, Кирк, – сказал Хо, – какой еще «привет-намек»? Что тут у вас произошло?

– Небесное знамение, – ответил Кирк, глядя не на вопрошающего, а на незнакомого паренька, который присел на корточки и стал что-то разглядывать на земле. – Впервые за последние триста лет... Жаль только, что монахи отсюда съехали, вот бы порадовались...

– Ты можешь объяснить толком, Наездник?! – накинулась на него Лиз.

– Вот это да! – воскликнул вдруг Виг, поднимаясь и показывая какие-то полупрозрачные камешки. – Это же самые настоящие тектиты...

– О чем это он? – хмуро спросила Лиз у Кирка, удивленно воззрившегося на понятливого паренька, по виду обыкновенного овоща.

– Термазер, – медленно, словно нехотя пояснил Кирк. – Очень мощная штука. Высокоточный импульс, видимо, с орбитальной установки. Надо полагать, предупреждающий удар... Он был нанесен уже после того, как Сом выходил с вами на связь. А теперь у нас нет никакой связи...

– Все целы? – задал самый важный в это мгновение вопрос Хо.

– Да, все... Правда, подвернулась наша парочка садовников. Испарились, бедняги, даже защитные контуры не справились...

– Черт с ними, с этими механоргам, – отмахнулся Хо, – других угоним... Где ребята?

– В нижнем бункере, в диспетчерской совещаются, – отозвался Кирк, по-прежнему глядя только на странного гостя.

– А Люц? – быстро спросила Лиз.

– Люц с Беном застряли на Фобосе... Собственно, из-за них все и произошло...

Недобро прищурившись, Хо взглянул на беспримесную синеву утреннего неба.

– Значит, игры в войнушку кончились, – пробормотал он, – начались собственно боевые действия...

– Доигрались, – вдруг зло сказал Кирк. – Думали, Ирма – дура, и ничего не знает о наших выходках?! Чипы удаляли... Механоргов выживали из кланов... Вмешивались в энерго-информационный обмен... Думали, все сойдет с рук?! А вот, не сошло! Щас как возьмет она нас в оборот...

– Заткнись, трус! – осадила его Лиз, от злости забывшая о собственных переживаниях. – Ничего с тобой не случится. В крайнем случае, вживит тебе Ирма новый чип и отпустит в любезную твою Гренландию, правда, китов больше мучить не позволит... Нам не об этом сейчас надо думать, а о том...

– Я не трус! – огрызнулся Наездник. – И ты, Ведьма, это знаешь...

Но Лиз его уже не слышала. Пораженная внезапно осенившей ее догадкой, она уставилась на наострившего лопухие уши Вига, словно с тем случилась какая-то ужасающая метаморфоза. Все подозрения насчет механтропа-подкидыша, посетившие ее на древней Трансгобийской магистрали, вновь овладели воображением девушки. В том, что все в этом парне было поддельным, и доброжелательность, и сообразительность, и необыкновенные для овоща способности, и даже ментальное поле – Лиз почти уже не сомневалась. Ведь и то, что телепорт не работал, могло быть подстроено Ирмой – специально, чтобы Люц, единственный кто обладал оружием против механоргов, не смог вернуться на Землю. А она – самозванная ведьма – не сумела разглядеть в смышленном овоще Виге человекоподобного монстра, зато приперла его на Базу, где собрались почти все трикстеры... Только зачем тогда этот предупреждающий удар? А может это своеобразный сигнал подкидышу, что пора действовать?

«Надо, пока не поздно, посоветоваться с Хо, – подумала Лиз, – а то все как-то странно, запутанно...»

– Что с тобой, Лиз? – участливо спросил Хо. – Ты побледнела...

– Это от... усталости, – ответила Лиз и добавила нарочито бодрым тоном: – Знаете, ребята, пойдете-ка вниз поскорее, мне здесь как-то не по себе.

– А ведь Лиз дело говорит, – поддержал ее Хо.

– Пойдете, – угрюмо буркнул обиженный на Ведьму Кирк-Наездник.

Как бы зловеще это ни звучало: «предупреждающий удар термазером с орбиты» сила его была явно рассчитана так, чтобы нанести Базе минимальный урон и не причинить вреда никому из ее обитателей. Внутри длинного коридора, стены которого расписаны абстрактными изображениями, все осталось как прежде. Только непривычно тихо. Лиз сразу ощутила перемену в общем ментальном поле трикстеров и ей эта перемена весьма не понравилась. В нем преобладали темные тона, что означало подавленность и самый настоящий страх.

Неужели выстрел с орбиты так подействовал на рискованных и бесшабашных трикстеров, вот уже много лет живущих без опеки Ирмы? Или ощущается присутствие чужака? К своему сожалению, Ведьма имела весьма смутное представление о взаимодействии искусственного ментального поля с естественным. Механорги не обладали менталом, а механтропы существовали разве что теоретически. По крайней мере, до сих пор...

Лиз невольно покосилась на озирающегося Вига, который в этот момент был похож на любознательного щенка, которому все внове.

– А кто это нарисовал? – спросил тот, кивая на фрески. – Сразу видно – талант!

– Есть тут у нас один... Скоро познакомишься... – рассеянно отозвался Хо.

В конце пустынного коридора находились лифты старой надежной конструкции на тросах, а не электромагнитные, как везде. Кирк молча открыл один из них. В кабине было тесновато, но Лиз постаралась встать как можно дальше от подкидыша, невольно прижавшись к Кирку. Тот удивленно посмотрел на ставшую вдруг ласковой Ведьму, но ничего не сказал. Через несколько минут скрипящая и раскачивающаяся кабина остановилась где-то глубоко внизу в толще базальта. Быстро и в полном молчании они прошли коротким коридором, Кирк оттащил в сторону тяжелую дверь, за которой оказалось обширное круглое помещение диспетчерской, куда сводилась информация с независимых от Ирмы терминалов, некогда внедренных трикстерами во все наиважнейшие технологические узлы инфосферы.

Тройка довольно допотопных, но по-прежнему безотказно работающих искинов, суммировала и обрабатывала эту информацию, превращая в аудиовизуальную версию лишь то, что считала наиболее интересным для своих хозяев. Причем, демонстрацию этих версий искины, как правило, начинали без предупреждения. У Вига разбежались глаза от невиданного сочетания разнообразных двух- и трехмерных картинок, иногда цветных, а иногда черно-белых, сопровождавшихся столь же разнообразным звукорядом. Уши закладывало от рева метановых ураганов во внешней атмосфере Юпитера, переката грозовых разрядов над плоскогорьем Юкатана, грохота, порожденного столкновением двух ледяных гор непонятно где, то ли на шельфе Антарктиды, то ли в планетарном океане Европы, где уже подходил к завершению начатый столетие назад процесс терраформирования.

И посреди всего этого пандемониума восседал в кресле толстяк с длинными сивыми усами, кончики которых свисали ниже тройного подбородка. Завидев вошедших, он взмахом руки отключил звук и преувеличенно громко сказал:

– Привет, ребя...

И осекся. Увидеть здесь постороннего он никак не ожидал.

– Познакомьтесь парни, – как ни в чем не бывало сказал Мастер Хо. – Сом – это Виг, хороший парень... с большой дороги. Виг, это – Сом, не только хороший парень, но еще и большой знаток древней истории. За что и прозван Сомом, в смысле за углубленность...

В этот момент сквозь призрачные изображения далеких миров к прибывшим стали выходить остальные обитатели Базы – несколько девушек и парней, разного телосложения и цвета кожи. Было видно, что трикстеры застигнуты «предупреждающим ударом» врасплох. На некоторых из них почти не было одежды, но никто и не думал смущаться присутствием чужака. Девушки бросились обнимать Лиз и Хо, наперебой рассказывая, как они очутились в этом подземелье, куда без необходимости вообще редко кто из них спускался. Парни изредка поглядывали на Вига, но знакомится с ним никто из них не стал. Чтобы сгладить возникшую неловкость, Хо пришлось представить незванного гостя. В ответ на равнодушные кивки и кривые улыбки, Виг лишь смущенно улыбался.

– Ну-с, – сказал Хо, усаживаясь на один из стоящих вдоль стен диванчиков и машинально беря с подноса, который держал в своих мандибулах похожий на краба механорг, запотевший от холода стакан с неким бурого цвета напитком, – кто мне внятно расскажет, что тут у вас страслось?

Когда во дворе Базы раздался взрыв и сотрясение почвы донесло до самых звукоизолированных помещений весть о случившемся, Кирку было лень отрывать поджарый зад от дивана, на котором он продумывал очередной свой феерический прожект, Моржу приспичило потренироваться в Ледяном бассейне, Эми вдохновенно предавалась сочинению третьей симфонии, Базз задумчиво смешивал на огромной палитре краски немыслимой спектральной чистоты и яркости, Стак и Орфа вообще были недоступны для всего мира, Сирил спала, Несси, как всегда, посвящала всю себя своему излюбленному занятию – математическому моделированию неалгоритмизируемых процессов.

«Боевая тревога! Боевая тревога! Боевая тревога!» – раздался во всех комнатах, тренировочных залах и спальнях голос Люца. Видимо, заранее подготовленная им запись была внедрена в программу одного из искинов в диспетчерской.

Его голос, словно гром небесный прокатился по всем помещениям Базы, и вскоре в диспетчерскую ворвались: мокрый, исходящий паром Морж, хмурая, сонная Сирил, перепачканный красками Баз, видимо с перепугу опрокинувший на себя палитру, полуодетые и совершенно разомлевшие Орфа со Стаком, оглушенная Эми, чей тончайший музыкальный слух бы подвергнут жестокому надругательству. Последним вкатился как колобок Сом, почему-то в сопровождении механорга, некогда превращенного хитроумным Мастером в некое подобие древнего автомата, раздающего напитки. Столь странное появление толстяка было воспринято остальными трикстерами как завершение несколько громоздкого розыгрыша, поэтому он чуть было не подвергся массивованному вербальному и физическому насилию, но тут произошло нечто, что заставило забыть о бедолаге Соме...

– А потом прилетели вы, – сказал Сом. – И вовремя, потому что мы уже который час сидим, как крысы в подземелье, и головы ломаем, что нам со всем этим делать...

– С чем именно? – спросила его Лиз.

– Вот смотрите! Это, разумеется, запись...

Сом широким жестом стер все изображения и развернул лишь одно. И в нем появилось чрезвычайно довольное смуглое лицо африканца-полукровки. А на заднем плане маячил перепуганный худой, сутулый парень.

Толстые губы мулата растянулись, обнажая ослепительные зубы, а бодрый голос торжественно возвестил:

«Внимание База! Говорит Люцифер!»

Люц был очень доволен собой. Его просто распирало от гордости – рот растянулся до ушей, зубы сверкали так, словно были покрыты тремя слоями «очаровашки», лишь глаза оставались безразлично-спокойными.

– Ну что, котики-песики, – сказал он нарочито ласковым голосом, – все в куклы играете? А я уже действую... – он оглянулся на сопевшего позади Бена, – мы уже действуем!

– Ты о чем, Люци? – настороженно спросил Сом. – Выражайся яснее. Это ты нас всех сюда вызвал?

– Во-первых, не Люци, и даже не Люц, а – Люцифер! – надменно ответил мулат, – а во-вторых, вызвал вас на Базу действительно я. Вызвал, чтобы объявить о начале войны!

– Какой еще войны? – досадливо поморщился Сом. – Тебе что, дурная кровь прилила к голове в поле низкой гравитации...

– Попрошу меня не перебивать, – надменно отрезал Люц. – Я говорю о решительной схватке с Ирмой! Только что я... мы с Беном нанесли первый пробный удар. И вот, полюбуемся на результат!

Он придвинул и увеличил изображение поверхности Марса, особенно укрупнив зеленое пятно неправильной формы.

– Мапочка! – ахнула кто-то из девушек.

– Всего лишь небольшое следствие проведенного мно... нами эксперимента, – охотно и без капли рассказания пояснил Люц. – Некоторая сумятица в цепи команд, искажение вводных... Подробнее может объяснить старина Бен. Ведь это он у нас Хирург-рассекатель... Главное, мы нащупали уязвимое место Ирмы, теперь осталось лишь нанести удары по основным прерываниям и человечество навсегда избавится от опеки этой надоедливой электрической няни...

– Что ты несешь, Люц?! – вскинулась Сирил. – Там же были люди! Они могли пострадать!

– Овощи, Сирил, – холодно усмехнулся мулат, – пока еще овощи, но теперь у них появился шанс снова стать людьми. Некоторые из них наверняка пострадали, – продолжал он совершенно равнодушным тоном, – и пострадают еще... Что ж, такова плата за прогресс и свободу... И потом, я просил называть меня Люцифером!

– Слушай, ты, Люцифер! – возмутился Сом. – Хватит паясничать. Ты, похоже, совсем заигрался. Одно дело дезактивировать механоргов, другое – подвергать опасности людей... Короче, грузитесь с этим дурачком Беном в телепорт и дуйте на Базу. Мы тут совместными усилиями вправим вам мозги...

– Мы бы рады, – развел руками Люц, – да, похоже, матушка Ирма нанесла ответный удар. Телепорт на Фобосе заблокирован, причем не только на отправку, но и на прием. А с Деймоса к нам приближается парочка-другая бескрылых эриний, так что нам пора готовиться к обороне... Поняли, котики-песики? Война уже началась, а на чьей стороне вы – решайте сами...

Вдруг звук пропал. Несколько мгновений можно было видеть, как Люц беззвучно шевелит толстыми негритянскими губами. Изображение стало мигать, утратило объем, а потом и цвет. Сом, чертыхаясь, колдовал над пультом, но синхронизировать сигнал ему не удалось. Видимо, отчаявшись, он активировал камеры с внешних терминалов. И, прежде чем связь с околomarсианской орбитой окончательно оборвалась, стали отчетливо видны силуэты бескрылых эриний – реактивных механоргов, внешне напоминающих глубоководных спрутов – сближающихся с поверхностью Фобоса...

– Люци! – выкрикнула Лиз, отталкивая толстяка-историка от пульта, лихорадочными пассажами пытаясь восстановить давно утраченную связь с далеким спутником Марса.

Сом покорно отошел в сторонку, посмотрел на хмуро-молчаливых трикстеров и беспомощно развел руками.

– Вот ведь кретин, – пробормотал Базз, явно имея ввиду Люцифера-самозванца.

– А вы, что скажете? – спросил Мастер Хо, обращаясь к остальным.

– В чем-то Люци прав, – откликнулся Кирк. – Давно пора было показать Ирме, кто хозяин в Солнечной системе!

– Это ты-то – хозяин? – спросила Сирил, с презрением поглядев на развалившегося на диване парня с бокалом сока манго, который он держал несколько наотлет.

– А что?! – лениво парировал тот. – Я – человек, царь природы, а не овощ какой-нибудь...

– Сейчас ты похож больше на гриб-дымовик в пору созревания, – хмыкнула Сирил. – Посмотрим, что ты запоешь, когда генерал Люцифер призовет тебя на войну...

– Встану под его знамена...

– Постойте, ребята, – сказала тихоня Несси. – О какой войне вы все говорите? Разве мы когда-нибудь собирались воевать с Ирмой? Мы же просто хотели освободиться от ее постоянного присмотра! Самим решать, как нам жить и чем заниматься. Причем тут какая-то война? ... И этот жуткий пожар на Хуторе – это же просто ужас какой-то...

– Надо бы этой парочке – Люцику с Бенчиком – уши надрать и в угол поставить, в соответствии с правилами древней педагогики, – заявил Стак, многозначительно поиграв рельефными бицепсами.

– Ты абсолютно прав, милый, – поддержала его Орфа, чье мнение всегда зависело от взглядов возлюбленного.

– Да что вы накинудись на ребят?! – возмутился Морж. – Им просто надоел треп и детские забавы, вроде перенастройки базовых программ Виртуала. Им захотелось настоящего дела. Война не война, а показать Ирме нашу силу и впрямь пора!

– Так, – проговорил Мастер Хо. – А что скажешь ты, Эми?

– Я скажу, – высоким, но сильным голосом, твердо начала Эми, – что затеи Люца были мне всегда отвратительны. А то, что он сделал на Марсе, и вовсе выходит за всякие рамки. Если Ирма их с Беном на время изолирует – будет только лучше!

– Сом? – Хо повернулся к историку.

– Ну, – протянул Сом, – насколько я знаю, никакая война не приносит блага. Наоборот, она самое большое зло, какое только возможно... Я против этой игры...

– Итак, – подвел итог Мастер. – Как того и требовал наш обожаемый Люцифер, мы решили, чью сторону принять... Вернее, определились в своем отношении к этой его дурацкой войне с Ирмой. Я, Сом, Базз, Орфа со Стаком, Эми, Сирил и Несси – категорически против. Морж и Кирк, похоже, – за. Значит, с Люцом и Беном, – всего четверо...

– Пятеро! – вдруг выпалила Лиз.

2

Я сразу узнал это место. Оно называлось Хутором и было самым старым и самым обжитым оазисом Большого Сырта. Там проводились ежегодные чемпионаты по Боевому Троеборью, разумеется, я как абоксер принимал в них участие. И еще, на Хуторе жили мои дружки Рюг и Лэн – отличные парни и опытные мечевики. Поэтому мне стало не по себе, когда я увидел столбы черного, жирного дыма, поднимавшиеся над руинами поселка. Да что там «не по себе», сказать, что я обалдел, значит, ничего не сказать. Ну не может такого происходить! Чушь, нелепица. Руины и пожарища – это все из прошлого, о котором я читал только в древних бумажных книжках...

Выбитый из колеи, я совсем забыл о том, что Шур давно должен был откликнуться на мое донесение. Самое время прочитать его послание и отправить ответ, пока эти ребята – трикстеры – заняты своим спором. Украдкой оглянувшись на сердитую Лиз, я вытащил из рюкзака блокнот. Он был ощутимо теплым, значит, сообщение пришло совсем недавно. Раскрыл, как и положено, на четвертой странице. Прочел. Озадаченно почесал левую бровь, где у меня был крохотный, но зато самый настоящий, шрам, и перечел еще раз:

«Она, конечно, горяча, не спорь со мной напрасно, но, видит бог, рубить с плеча, не так уж безопасно».

Что за притча? Может это шифровка? Но тогда, где ключ? А вообще-то, знакомые какие-то стишки... А, вспомнил! Их зачитывал Белый кролик на суде, по делу съевшего котлеты Валета! Значит, ключ в книжке, да только, где я ее сейчас возьму?

Выхватив свое волшебное стило, я быстро накатал:

«Иногда слова друга темнее старинных сказок».

Я надеялся, что Шур поймет мой намек на мою же непроходимую тупость и продублирует свой ответ более прозрачно. Несколько минут я с надеждой пялился в блокнот, но Шур так и не отозвался. Я уже начал обдумывать вариант послания открытым текстом, как вдруг Лиз сказала: «Пятеро!» – и сразу же наступила нехорошая, я бы сказал, предгрозовая тишина.

– А кто пятый? – недоуменно спросил Морж, вертя большой своей головой.

– Ты это серьезно, Лиз? – сухо сказал Мастер. – Тебя, часом, не укачало в полете?

– Нет, – отрезала своенравная девчонка. – Я в форме! И собираюсь немедленно отправиться на помощь нашим ребятам, что бы они там не натворили... Надо сначала вытащить их с этого проклятого Фобоса, а уж потом разбираться, кто прав, а кто виноват!

– Легко сказать, «вытащить с Фобоса», – хмыкнул парень, которого Лиз назвала Наездником, а чуть позже – трусом. – А как ты туда попадешь? Через грузовой телепорт? В виде биодобавок к гранулированному сыру...

– Но ведь... – лицо Ведьмы-Лиз стало беспомощным, – должен же быть какой-то способ? – Она повернулась к Хо, и в глазах ее читалась мольба. – Ты же мастер, Хо! Придумай что-нибудь!

– Ну, если рассуждать чисто теоретически, – начал тянуть волынку долговязый Мастер, – до Первого кольца «Птерозавр» дотянет, а дальше... – Он беспомощно развел руками. – Силового ресурса не хватит, да и жизнеобеспечивающего тоже...

«Ну-ну, – подумал я, – он или в самом деле не знает, или не хочет втягивать друзей в авантюру и поэтому недоговаривает...»

– Эх, вы, трикстеры! – в отчаянии выкрикнула Лиз и – признаться, я не поверил своим глазам – заплакала.

– Что ты, Лизонька! – ахнула смуглокожая, очень изящная девушка, кажется, Сирил, и бросилась утешать подругу.

Остальные тоже засуетились. Кто-то протянул бокал сока, кто-то – носовой платок. Но было ясно, что утешить чернявую Ведьму можно сейчас лишь одним способом.

– Модульные транспортники, – тихо, но внятно сказал я, – перевозят биоматериал, рассадку новых кланов для марсианских колонний. Запас воды и жидкого кислорода берут втроекратный... И скорость у них приличная... «Птерозавр» можно пристыковать взамен любого резервного модуля, лишь бы подходил по тоннажу...

Лиз вырвалась из дружественного круга утешителей и теперь смотрела на меня в упор. В ее глазах надежда мешалась с недоверием и страхом.

– Э-э, разумеется, ты прав, но... – смущенно выдавил из себя Хо и, натолкнувшись на взгляд Ведьмы, поспешно добавил. – Впрочем, у меня в заглазнике есть легкие скафандры, портативный синтезатор белков и прочего... Короче говоря, можно рискнуть.

– Ура! – завопила Лиз и кинулась к Мастеру на шею.

Я наверное впервые в жизни почувствовал укол ревности и обиды. Болезненный, между прочим, укол... Ну, почему, скажите, она обнимает этого сухаря, когда идея принадлежит мне?!

– Но мне понадобится второй пилот, – сказал Мастер, высвобождаясь из объятий Ведьмы. – Ты, Виг, насколько я понимаю, кое-что в этом деле соображаешь...

У меня аж дыхание перехватило от близости мечты. Неужели я и в самом деле полечу в Космос?!

Но я тут же принял независимый вид, дескать, фиг вам!... Если только попросите хорошенько... И у «надоедливых малышей» есть собственная гордость...

– Может быть, не стоит, Хо? – проговорила вдруг Лиз. – В конце-концов, Виг наш гость... и вовсе не обязан...

М-да, умолять меня, стоя на коленях, похоже, никто не собирался.

– Тогда и попробовать нечего! – отрезал Хо. – Это ведь только на словах гладко – поднять на орбиту и пристыковать к транспорту, а на деле – чертова уйма работы. Тут и вдвоем не управиться, но, по-крайней мере, нужен хотя бы еще один, разбирающийся в космонавтике, пусть и теоретически.

Ну, же, гордая трикстерша, ну!

И вот Лиз подошла ко мне и заглянула в глаза. Она вовсе не собиралась меня уговаривать, просто подошла, чтобы поинтересоваться моим мнением на этот счет. И я не выдержал.

– Сделаю, что смогу, – сказал я самым серьезным тоном, на какой только способен. – Но придется хорошенько подготовиться, я ведь летал только на симуляторах...

– Отлично, – подытожил Хо. – Кто еще с нами?

– Я! – тут же отозвался здоровяк Морж.

– И я, – просто сказала Сирил.

– И мы тоже, – в голос заявили Орфа со Стаком.

– А ты, Наездник? – спросила Сирил Кирка, который делал вид, что изучает узоры на стекле своего бокала.

– Само собой...

Смуглокожая Сирил непонятно хмыкнула и отвернулась, а Мастер сказал:

– Итого, восемь. Перебор, хватит и семерых... Тем более, что на обратном пути у нас будет два пассажира... Надеюсь... Морж – останься, пожалуйста!...

– А я что?... – пробормотал Морж с облегчением. – Была бы честь предложена...

– Спасибо, – кивнул ему Мастер. – Будем считать, что экипаж набран, и давайте начнем собираться...

И мы начали собираться. Только теперь до меня стало доходить, насколько все здорово у них организовано. Едва мы поднялись на поверхность, как, откуда ни возьмись, появилось множество самых разнообразных механоргов, которые потащили к дельтаракетоплану комплекты

легких скафандров, какие-то баллоны, металлические ящики. «Птерозавр» мигом оброс силовыми кабелями и гофрированными шлангами. Несколько механоргов, похожих на огромных гусениц-шелкопрядов, деловито поползли по фюзеляжу, ровно, слой за слоем, опутывая его клейкой нитью. Какие-то полчаса – и старик-дельтатяшер покрылся прочной прозрачной броней, предохраняющей от перегрева и увеличивающей обтекаемость.

Внутри было оборудовано несколько вполне пригодных для жизни помещений, для чего десантный трюм перегородили специальными переборками, к которым были заранее прикреплены противоперегрузочные гамаки, откидные столики, кресла и прочая мебель. На камбузе активировали холодильник, там же пристроили и обещанный Мастером синтезатор белков. Бедолагу оника втиснули в технический отсек. Хотели было вообще оставить на Базе, но Лиз воспротивилась. За что я был ей весьма признателен, как-никак похлопотала за «троюродного дядю»...

Похоже, к полету в Космос у трикстеров все давным-давно готово, только не представлялось случая совершить его на практике. Хо давал дельные указания своим товарищам, а те их вполне толково выполняли. Мне он тоже нашел занятие.

– Слушай, Виг, – сказал Мастер, отозвав меня в сторонку. – Будь любезен, поднимись в рубку и прогони на бортовом искине программу полета с учетом нескольких вариантов развития ситуации. Сумеешь?

– Так точно, командир! – молодежато рявкнул я, вытягиваясь в струнку.

– Ну тогда действуй, пилот, – усмехнулся Мастер.

Я кинулся в рубку, только теперь по-настоящему осознав, что лечу за пределы атмосферы как самый настоящий астронавт из древних фильмов и книг...

«Антарес, говорят, красивая звезда,

Мы полетим, чтоб взять ее себе,

Она красна, как кровь, что в сердце нашем бьет,

В том сердце, что осталось на Земле...»¹ – напевал я одну старинную песенку, усаживаясь в ложемент второго пилота и запуская тест-программу бортового компьютера. У «Птерозавра», как и других машин Базы, не было связи с Ирмой, следовательно, весь информационный ресурс либо хранился в голографической памяти его искина, либо в голове управляющего им человека. Другими словами, чтобы управлять этим старичком, неплохо бы и самому кумекать в астрономии, космонавигации и прочих, не шибко нонче востребованных науках.

По счастью, мое увлечение миром прошлого не было ограничено лишь изящной словесностью и кинематографом, словно предвидя этот день, я готовился всерьез. Симуляторы в Виртуале были, конечно, восхитительны по части реализма ощущений, но Ирма в процессе имитации космических полетов все норовила подсунуть какую-нибудь «развлекуху», вроде нападения межпланетных пиратов или метеоритной атаки при посадке на Луну. Подозреваю, я изрядно ей надоел, задавая при загрузке очередного симулятора всякие замечательные параметры, как то: отработка стыковки пилотируемого космического корабля с неуправляемым спутником, которому придано осевое вращение, или – сближение с астероидом, орбита которого лежит вне плоскости эклиптики.

«Звезду мы принесем и милым отдадим,

Что ждали нас столетья на Земле...» – гудел я себе под нос, шелкая разными допотопными переключателями и млея от небывалого удовольствия. Ну где еще, скажите, в наши дни можно ощутить упругую податливость настоящей клавиши или шероховатость рубчатого накопчика крошечного тумблера? Щелк, клац, клац, клац, щелк...

«...очно с тобой поговорить Хо...»

Блин, кажется, это внутрикорабельный интерком... На что это я сейчас нажал?...

¹ Стихотворение В.Я. Минакова

«О чем, Лиз? Давай попозже...»

«Позже может оказаться поздно... Прости за дурацкий каламбур...»

«Ну, говори быстрее! Мне еще стыковочный узел проверять. Им уже двести лет никто не пользовался, если не больше...»

Я понял, что у Ведьмы с Мастером серьезный разговор, для посторонних ушей ну никак не предназначенный, но не мог найти проклятую клавишу...

«Я хотела поговорить о Виге... Мне кажется, он не тот, за кого себя выдает...»

«По-моему, парень, что надо. Потенциальный трикстер... Тебе чертовски повезло, Лиз, что ты его нашла... Ну, разве что, задается немного, так это он по молодости...»

«Ты меня не слушаешь, Хо! Повторяю, он не тот, за кого себя выдает: не потенциальный трикстер, не переразвитый овощ, и даже не человек!»

Рука моя, уже было коснувшаяся обнаруженной вдруг заколдованной клавиши, отдернулась, словно ошпаренная. Они говорили обо мне! Да еще такое...

«Кто же он, по-твоему? Инопланетянин?»

«Механтроп-подкидыш. Засланец Ирмы, если хочешь...»

«Постой, Лиз, что-то ты не то говоришь... Какой еще подкидыш-механтроп? Не бывает никаких механтропов. Это все старые сказки дедушки Люца... Ну, не хмурься, пожалуйста... Я хотел сказать, что история о механоргах-андроидах, якобы призванных подменить человека – не более чем выдумка. Кажется, Сом говорил, что ее использовали ультралуддиты в своих рекламных... или, как их там, пропагандных кампаниях... Я в истории, в отличие от нашего Сомика, не силен, но что касается техники, ты уж мне поверь, не одного киноида съел... Механтроп невозможен по ряду причин. Конечно, человекоподобную куклу сляпать можно, да и делались когда-то такие, в гигиенических целях, но ты ее за милую отличишь от настоящего человека... Ведь ментальное поле у Вига есть, не так ли?»

«Есть... но, может оно наведенное... И потом, откуда ты знаешь, что Ирма выращивает в своих „евгениевых конюшнях“? Я говорю об антарктических биолaborаториях...»

«Тех самых, проникнуть в которые Люци попытался в прошлом году? Как же, помню, его обмороженные уши...»

«Не смейся! Они сейчас с Беном в беде!»

«Ну, во-первых, сами виноваты, а во-вторых, ты меня не убедила... И даже если ты и права, что нам теперь – отказываться от помощи Вига? Кого я посажу за штурвал во время маневра стыковки? Тебя? Кирка? Или красавчика Стака с подружкой на шее?... Мы только время теряем, вместо того, кстати, чтобы готовиться к старту!»

«Я только прошу, Хо, не спускать с него глаз, когда я буду вынуждена отвлечься...»

«Ладно, уговорила... А теперь ступай, милая, к Орфе на подмогу, она там пищевые брикеты в холодильник закладывает, как бы не перепутала чего...»

Послышался тяжелый вздох Лиз и удаляющиеся шаги. Мертвой рукой я нажал таки на проклятую клавишу.

Вот так сюрприз... Мечты, конечно, сбываются... только я не мечтал выглядеть в глазах этой девчонки сумасшедшим андроидом... Терминатором, блин... Теперь, в случае чего, мне всадят заряд плазменной пушки в лоб... Ежели я попытаюсь дотянуться до детонатора... Почему молчит Шур? Мне сейчас как никогда нужен его совет...

Взяв с соседнего ложементa рюкзачок, я достал блокнот. Он почти обжигал! Значит, сообщение пришло буквально сию минуту... Так, вот и четвертая... Что? Опять!...

Посреди листка медленно тускнела короткая невразумительная строчка:

«Лицом черен и прекрасен...»

Глава четвертая

Долина Безмятежности

1

Малый разведывательный вертолет МРГ-7 «Стрекоза», чаще именуемый как «Стрекозёл», медленно плыл над макушками невысоких гор, покрытых густым лесом. Впрочем, на южных склонах некоторых из них ещё были различимы проплешины заброшенных чайных плантаций, медленно, но верно прораставших жимолостью и молодыми деревьями.

Александр Неверов, Максим Джаксалыков и Серго Северов, ведущие научники, расположились в головной части десантного отсека, отделённой от пилотской кабины тонкой переборкой. В хвостовой части громоздились ящики с оборудованием; в эту пирамиду не без усилий вписались двое молодых техников-наладчиков из отдела Макса, чьих фамилий Неверов никак запомнить не мог. Помнил только, что кого-то из них зовут Олег. Перед наладчиками, изображая своей плоской спиной столешницу, застыл ремонтный орг – молодёжь увлечённо резалась в нарды. Формой корпуса, восемью конечностями и двумя манипуляторами-клешнями механорг подозрительно смахивал на легендарного ракопаука с планеты Пандора.

– Не нравится мне всё это, – сообщил Серго, ни к кому особенно не обращаясь, просто бросив в наполненное равномерным стрекотанием энерготурбины да тонким воем рассекаемого лопастями заборного воздуха пространство.

– Это ещё почему? – коренастый Макс пожал широкими, фактурными плечами спортсмена-тяжеловеса. – Пессимист ты наш.

– Я реалист, – буркнул Серго, отвернулся и стал глядеть в крошечный иллюминатор.

Серго не просто пессимист, а пессимист по жизни, подумал Александр. Вечный ожидатель несчастий. В смысле, ждатель. Если верить астрологии, то всё так и должно быть. Серго – промежуточный знак Зодиака, полускорпион-полустрелец. Ему присуще хмурое мирозерцание и подозрительность. В астрологию Неверов не верил – Александр усмехнулся мысленному каламбуру – а вот подозрительность заведующего отделом ресурсного обеспечения пару раз сослужила им всем добрую службу. Есть у него какое-то не людское чутьё на опасность. Поэтому, раз что-то не нравится Серго, жди пакости. Как правило – крупной. Александр привычным усилием воли убрал из груди зарождающийся там холодок и вернулся к созерцанию горных макушек.

А вот Кирилл в своё время не поверил. Просто сказал: «Кому-то всё равно надо ехать». И сгинул. Через два месяца до неузнаваемости изуродованное жестокими пытками тело ультра подбросили чуть ли не к воротам Института. Кира они потеряли через год после Ирки...

Молчать, мысленно приказал себе Александр. Слунтай, интеллигент. Молчать! Не смей ворошить это прошлое, иначе душной волной поднимется к горлу ненависть, и что дальше – топтать ногами, стенать, плакать? Не хватало ещё истерики здесь.

– Какого хрена, – сказал Серго. – Хотя бы один аппарат связи. Один!

– Ты же знаешь, – снова пожал богатырскими плечами Джаксалыков. – Именно от этого они бежали. От несовершенной техники прошлого. От несовершенной жизни прошлого. Именно этого мы от них хотели. Они, если сказать красиво, отдали себя во власть наших творений. Нам и отвечать... Только не рви сердце. Потери связи случались раньше, поломки случались раньше, крупных операций ультра больше не жди. А с мелкими бандами легко управится одна-единственная эриния. И у фаланстера она есть. Чего колотишься, друже?

И это верно. И эриния у них есть, и после Великой Зачистки основные силы ультралудитов разгромлены и раздроблены, не до масштабных операций, в подполье ушли, крысы. И всё же...

– Надо было поставить в известность армию, – упрямо скривил губы Серго.

– Армия за каждым пустяком дёргаться не будет. – Макс третий раз пожал плечами, казалось, он то и дело извиняется перед Александром за непроходимое упрямство Северова. – Вот скоро подлетим, и во всём разберёмся.

И всё же понятно, о чём говорит, но чего недоговаривает Сергей Северов. Что слишком странно оборвалась связь с фаланстером. М-связь, между прочим. Что нехрен очертя голову лететь за пятьсот с гаком вёрст троим ведущим специалистам Корпорации и, по совместительству, троим из пяти оставшихся в живых участников Проекта. Потому что, случись непоправимое – и вся тяжесть ляжет на плечи оставшихся – Майки и Алана.

Алан, старый добрый друг Алан. Самый талантливый из Иркиных аспирантов, и некогда соперник за её сердце. Единственный из посвящённых в тайну Проекта, кто долго и всерьёз ставил под сомнение основные его идеи. Сколько бессонных ночей, несметных чашек кофе, и споры, бесконечные споры до самого утра... Нельзя лишать человечества выбора, говорил Алан. Нельзя подменять свободу опекой электронной няньки, ибо невозможно учесть, просчитывать на достаточно длинном временном участке все факторы и риски. И ещё никто не отменял теорию катастроф, утверждающую нестабильность любой искусственно созданной системы, начиная с определённой степени сложности. И вообще, любил повторять Алан, человек рождён для свободы. А свобода – это прежде всего одиночество, путь индивидуума. Свобода – это осознанный выбор несвободы, неизменно отвечала ему Ирка.

– Кстати, если что – Алан нас всегда прикроет, – произнёс Александр. – Правда, Алан?! – спросил он пространство отсека, слегка повысив голос.

– Разумеется, парни, – ответил «ракопаук», заодно исполнявший обязанности приёмопередатчика и транслировавший в режиме реального времени ситуацию на борту.

В точном соответствии с пунктом Устава Корпорации: «Полевая группа на задании обязана поддерживать постоянный аудиовизуальный контакт с ближайшим подразделением „Механорг Систем“ и не прерывать его ни при каких обстоятельствах». М-да, эдакий образчик корпоративного идиотизма. «При выполнении задания при вас будет оружие. Но пускать в ход его вам нельзя, ни при каких обстоятельствах...» Откуда эта чушь в голову лезет? Мало ли какие обстоятельства бывают. Не помог Устав ни Аркадиушу с Марикой – их подорвал смертник вместе со всеми пассажирами рейса «Дубай – Нью-Йорк», не помог убитому снайперской пулей Андронику, и уж тем более ничем Устав не мог помочь погибшим при штурме Тель-Авивского представительства Двум Грациям – милым толстушкам Ленке-первой и Ленке-второй... и Марго, королеве Марго. Жене Макса...

Вскоре «Стрекозёл» перемахнул очередную горную гряду, выходя к цели путешествия, фаланстеру «Долина Безмятежности». Макс присвистнул. Серго безнадёжно махнул рукой, мол, я же говорил. Неверов ощутил, как в груди снова возник и стал разрастаться холодный и вместе с тем жгучий ком.

Чёрный дым стелился пластами, с высоты полёта картина разрушенного посёлка казалась игрушечной, и оттого, словно соскочившей с холста безумного сюрреалиста. Посёлок утюжили основательно. Уцелело с десятков домов, включая большое трёхэтажное здание, наверняка в нём проходили заседания Совета фаланстера, да водонасосная башенка на берегу реки. Остальное... Вот вам и «Долина Безмятежности».

Макс сорвал с кронштейна пульт внутренней связи:

– Командир, круговой облёт! Высота сто! Медленно!

Молодые наладчики, позабыв о нардях, вскочили и припали к своим иллюминаторам. Легко представить, что творится на душе у парней. Очень легко. Все мы через это прошли.

И вот снова. Снова смотреть, как дело рук твоих, да что там дело, твоё детище, любимого ребёнка, уничтожает тёмная, тупая, не рассуждающая сила.

Эриния обнаружилась за южной окраиной посёлка, там, где ближе всего подступали к долине покрытые «зелёнкой» холмы. Лежала, распластав восьмиметрового размаха крылья. Крупная и опытная особь, наверняка ещё из Первоклана. Приземлившись, они долго смотрели на поверженную богиню возмездия. И без того узкие глаза Макса сделались словно два кинжала.

Эриния, совершеннейший механорг, орудие устрашения и возмездия. Видит во всех диапазонах. Воспринимает радиоволны любой частоты и способна к самостоятельной дешифровке и интерпретации чужого радиосигнала. Подавляет любые электронные средства слежения. Поражает электрошоком и снотворными газами, прицельно мечет иглы-парализаторы на дистанцию до двухсот метров. И ещё много сюрпризов таит обтекаемое, совершенное тело. А самое главное – мечта разработчиков средств индивидуальной защиты всех времён, от бронзового щита до пластоного бронескафандра – неуязвима ни для пули, ни для ракеты. При ударе быстродвижущегося предмета, участок оболочки мгновенно твердеет, делаясь тем более прочным, чем сильнее ударное воздействие. Да, кстати, оболочка легко переносит сверхнизкие, до абсолютного нуля, и сверхвысокие – до десяти тысяч по Кельвину – температуры.

Тем не менее, в боку у эринии зияют два огромных, рваных, обгорелых по краям входных отверстия, а ещё одно, третье – прямо в груди, где располагался модульный блок связи и спин-процессоры...

Внезапная догадка заставила Александра достать из кармана трубку радиометра. Он шагнул вплотную к поверженному механоргу, сунул индикаторный шуп в отверстие.

– Радиация, – утвердительно произнёс Серго.

Александр кивнул, медленно пятась и разглядывая шкалу прибора.

– Двести микрорентген.

– И что это, по-твоему?

– По-моему, это микротермальные заряды.

– Хм... – Серго сосредоточенно тёр переносицу. – Ты веришь в микротермальные заряды? Здесь?

– А что это, по-твоему?

– Ну...

– Объясни, Шурка, – потребовал Макс.

– Какой-нибудь трансуранид с ничтожно малой критической массой и таким же малым периодом полураспада. Последний искусственно стабилизирован сверхсильным магнитным полем. В нужный момент поле исчезает и происходит микроядерный взрыв. Разрушение сверхтвёрдой брони. В образовавшееся отверстие влетает остальная часть боезаряда, обыкновенная. Оружие невероятно дорогое и требующее развитой технологии. Вот такое дерьмо...

– Странные бандиты, – пробормотал Серго, окидывая цепким взглядом поросший падубом склон, что начинался метрах в пятистах от них.

– Теперь становится понятно... – сказал Джаксалыков. – Они атаковали ночью. Эриния почуяла чужаков в «зелёнке», начала сближение и получила... модуль вышел из строя мгновенно. Поэтому так странно оборвалась связь – мы успели уловить импульсное изменение М-поля...

– Эманация опасности? – предположил Неверов.

– Скорее, удивления, – усмехнулся Макс. – Итак...

Он осёкся, напоровшись на хмурый взгляд Северова.

– Рвать отсюда надо. И быстро, – расшифровал тот.

– Нет, – Макс покачал головой. – Надо прочесать посёлок. Вдруг кто-то выжил. Спрятался или ранен, не добились. Не возражать! – неожиданно выкрикнул он высоким и тонким

голосом, хотя Серго не проронил ни слова, а лишь саркастически усмехнулся. – Не возражать... – совсем тихо повторил он. Вытер рукавом проступивший на лбу пот. И уже официальным тоном отчеканил: – Я, командир полевой группы, приказываю: взять с борта оружие и прочесать развалины. Полным составом группы. «Ракопаук» пойдёт с нами. Геликоптеру осуществлять барражирование на средней высоте, вести постоянное наблюдение за «зелёнкой». О любых замеченных подозрительных фактах – немедленно докладывать. Всё, приступаем.

На трупы они наткнулись, не успев войти в посёлок. Мужчина, женщина, трое детей. Полуголые тела изрешечены пулями. Женщина, скорчившись в предсмертной судороге, прижимает к груди младенца. Дети постарше – мальчик и девочка, лежат, раскинув руки, неподвижно глядя в небо. Голова лежащего ничком мужчины аккуратно отделена от туловища лазерным резаком, в спину вбит арматурный штырь с деревянной табличкой. Короткая надпись на арабском. И мухи. Целая армия мух.

– «Сын шайтана», – прочитал Макс.

Он больше не отирал лицо, и пот на нём смешался со слезами.

– Профессионалы работали, – сказал Серго. – Мы рискуем... командир. Нет здесь живых.

– Не могу... мама... – произнёс один из наладчиков и бросился бежать.

Серго перехватил его за локоть, развернул.

– Куда прёшь, дурак? Или здесь шутки шутят? – Влепил юноше затрещину. – Вот тебе люди. – Ещё затрещина. – Такое вот у нас человечество. – Ещё одна...

– Северов, хватит. Пошли, – бросил Макс.

Они продвигались к центру, то и дело натываясь на изуродованные тела и время от времени останавливаясь слушать развалины, звать, снова слушать, и не слышать ничего, кроме тишины и густого, довольного жужжания. У почти целого каменного дома с провалившейся крышей Александру послышался какой-то звук. Точно, жалобный вопль доносился из-под обломков. Он без колебаний нырнул в перекошенную дверь.

Обширная зала была художественной мастерской. Часть картин валялась в горах мусора и штукатурки, два полотна остались криво висеть на уцелевшей стене. Пейзаж и женский портрет. Взгляд успел уловить необузданную пестроту красок пейзажа и грустные чёрные глаза, глянувшие с портрета, а потом Александр увидел обладательницу глаз. Рухнувшая плита перекрытия почти целиком накрыла её бетонным саваном, снаружи остались лишь голова, грудь и скованная агонией рука. Скрюченные почерневшие пальцы, сорванные ногти: вероятно, девушка до последнего мига пыталась приподнять неподъёмную тяжесть. На груди у погибшей сидел чёрный двухмесячный котёнок с белой кисточкой на хвосте. Заметив вошедшего человека, он скорбно глянул слезящимися голубыми глазами и лизнул щёку погибшей хозяйки.

Ненавижу, подумал Неверов, опускаясь на корточках перед мёртвой художницей. Попробовал взять котёнка, но тот закричал, когтями вцепился в воротник неуместно чистого, без единого пятна крови синего халата. Александр стиснул зубы, потянул сильнее – тонкая ткань затрещала, – и, наконец, смог сунуть котёнка себе под куртку. Заглянул в искажённое гримасой лицо со страшно распухшими, прокушенными губами. Обезображенное, оно мало походило на то, что было на портрете. Совсем не походило. Это было другое лицо. Маска смерти.

Самая достоверная из всех масок мира.

Источником чёрного дыма была центральная площадь. Здесь сожгли всех механоргов фаланстера. Тупо согнали и облили струями горящего напалма. Из огнёмётов, или что у них там было.

– Когда критическая точка? – спросил вдруг Серго, и Неверов понял, что тот обращается к нему.

– Через два года, – хрипло, чужим каким-то голосом сказал он. – Плюс-минус.

– Похоже, без зрителя нам не обойтись.

- Скорее, наладчика, – поправил Александр.
- Наладчика, – согласился Серго.
- И пора думать о параметрах личности.
- Пора, – согласился Серго.

Два огненных шара сорвались с вершины ближайшей горы. Оставляя белые иммерсионные следы, устремились к еле различимой на фоне яркого неба «Стрекозе». Два разрыва. Два попадания.

Мышеловка захлопнулась.

Закрепиться решили в административном здании посёлка. На плоской крыше дома было надстроена небольшая обсерватория, надстроена недавно, видимо, среди обитателей фаланстера были интересовавшиеся астрономией. Отсюда открывался полный круговой обзор, правда и расстрелять надстройку ракетами не представляло особого труда. Вот только слишком ценная добыча для простой банды ультралуддитов, располагавшей, правда, такой мелочью, как микротермальные заряды, чтобы запросто портить ценный материал – трое заведующих направлениями, один из которых ещё и зам по науке...

Серго и Макс наблюдали в бинокли, как из зарослей у подножия запирающих долину гор, появляются одетые в камуфляж бандиты и неторопливыми цепями окружают посёлок. Обстоятельно так окружают. Не спешат.

Неверов вот уже битых пять минут пытался выйти на связь с Аланом. Проклятый рако-паук хранил молчание. Молодые наладчики с убитым видом сидели посреди зала, у станины телескопа. Что и говорить, не бойцы.

– Алан, Алан, слышишь нас? Нападение, нужны эринии, нападение. Алан, Алан... – Неверов в сердцах пнул ни в чём не повинного орга ногой.

Фотофоры ремонтника сверкнули малиновым – есть связь – и раздался негромкий уверенный голос Алана.

– Я очень сожалею Шурка, но эриний не будет.

Северов и Джаксалыков враз позабыли про свои посты, и даже наладчики подтянулись поближе. Пятеро человек окружили небольшого орга, словно тот был оракулом Дельфийским.

– Что случилось? Неполадка в главном модуле? – быстро спросил Макс.

– Нет, парни, – так же спокойно произнёс Алан.

– Тогда, чёрт возьми, в чём дело?! – воскликнул Неверов.

– Я долго думал, следует ли рассказать, или оставить вас в неведении. Взвесив всё, я принял решение: вы должны узнать правду. Впрочем, знать вам её осталось недолго. – Алан сухо рассмеялся. В исполнении механорга это звучало жутковато.

– Да что ты мелешь! – вскипел Макс.

– Друзья, знайте, за всеми вашими несчастьями стоял я. Поверьте, ничего личного. Шурка свидетель, я никогда не скрывал своих убеждений, я всегда был убеждённым противником вашего Проекта, – теперь Алан говорил всё громче и всё быстрее, – но при этом долго не верил в возможность его осуществления, и ошибся, ошибся. Ошибся! Когда понял, было поздно. Пришлось задействовать наших... ваших врагов. Я не мог допустить появления эринии! Вы стали бы слишком сильны. Да, я всё точно рассчитал. Шурик, ваш приезд в Питомник... тот вертолёт... он проник в город под покровом пылевой бури, вся прочая операция была прикрытием... зародыш и его создатели должны были погибнуть... если бы не твоя, Северов, маниакальная подозрительность. Помнишь?

Ещё бы не помнить. Когда «Команч» расстреливал их, из окна своего кабинета высунулся Серго и врезал из ПЗРК. Тем самым, нарушив очередной пункт Устава Корпорации: «Категорически запрещается хранение на территории объектов „Механорг Сиситем“ любых видов оружия». Как Серго ухитрился собрать у себя целый арсенал?...

– Не смотри так! – взвизгнул Алан. Нет, это не он, это взвизгнул ракопаук, так лучше, это не может быть Алан, друг Алан. Этот чёртов орг взбесился, это всё чушь, бред спинтронного мозга... – Шура! Я тоже её любил! Но я не мог... Вы не оставили мне выбора! Не оста-ви-ли!

Он умолк, только хриплое дыхание доносилось из звуковых мембран ракопаука; наверное Алан говорил, чуть ли не уткнувшись носом в экран визора. Что чувствует палач, глядя на лица приговорённых? Впрочем, нет, Алан наверняка чувствует себя судьёй, выносящим жестокий, но необходимый приговор.

– Ты же, сволочь, мог просто сдать нас тогда руководству. – Джаксалыков, напротив, успокоился, только в карих глазах застыли две искры-молнии.

– Нет! Нельзя. Это вразрез моей этике. Я должен был сам. Сам, понимаешь ты, сам?!

– Слушай, не кричи так, – отмахнулся Джаксалыков, в речи его прорезался казахский акцент. – Предавать, это не вразрез, да? Убивать – не вразрез, да? Хороший этика, правильный.

– Кирилла – тоже ты? – быстро сказал Серго.

– Да! Всех, и Кирилла и... остальных... Чёрт! Чёрт, чёрт, чё...

Тишина.

– Заткнулся, – Серго сплюнул. – Хоть бы там у него...

Договорить он не успел, потому что наладчик, тот самый, нервы которого раз уже не выдержали, дико вскрикнул и метнулся вниз по лестнице, ведущей в этажи.

Александр сделал движение – за ним, но его остановил Макс:

– Щ-щёрт с ним... скоро все там будем. К бою, други.

С высоты хорошо было видно, как юноша, нелепо прижав к боку автомат, мчит по улице. Он успел пробежать метров сто, но впереди, ещё дальше, возникли фигурки в камуфляже, и он споткнулся, словно налетел на невидимую стену, и резкие хлопки донеслись до слуха оставшихся.

Серго и Макс синхронно вскинули свои «Абаканы», посылая во врага титановый рой злых сверхбыстрых пуль. Двое из атаковавших упали, остальные мгновенно рассредоточились и залегли среди развалин.

– Началось, – сказал второй наладчик, который, кажется, Олег. И громко всхлипнул.

Два беспилотника на гиперзвуке бесшумно вынырнули из-за горной гряды и серыми призраками промелькнули над долиной; среди развалин возник веерный узор взметнувшихся столбов пыли, мгновение спустя превратившихся в ослепительные бутоны белого пламени. Следом пришел грохот, со звоном посыпались уцелевшие оконные стёкла.

Гиперзвуковики, заложив невозможный для пилотируемой машины вираж, развернулись и так же мгновенно и беспощадно превратили в огненное море склон северного холма. Заход – удар, и ещё, и снова...

Неверов, занятый тем, чтобы удержать за пазухой отчаянно вопящего и рвущегося на волю кота, почувствовал, как кто-то тянет его за рукав. Обернулся – ракопаук притопывал всеми восемью ногами, стараясь обратить на себя внимание, фотофоры его проблёскивали малиновым. Александр наклонился к оргу, и в какофонии звуков возник ещё один – начальственный рык генерал-лейтенанта Скрябина:

«...слышите меня, засранцы? Держитесь, мать вашу!...»

2

Сидевший в кресле-качалке на веранде двухэтажного деревянного особнячка человек, казалось, мирно дремал. По крайней мере, так мог подумать случайный прохожий, если бы не насторожило его то, как сильно напоминает неподвижное лицо с плотно сомкнутыми веками посмертную гипсовую маску, или холодный мрамор статуи.

Надо бы всё же собраться и хотя бы пару часов поспать, решил Наладчик, открывая газа. Слишком часто он занимается в последнее время бесплодной прокруткой теней прошлого. «Сон входит в обязательный набор программы жизнеобеспечения, – вспомнилось в который уж, бессчётный раз. – Через сон канализируется накопившийся в подсознании стресс...» Что верно, то верно – подсознание не поддаётся ни киборгизации, ни нейропрограммированию. Его не обмануть. Вот только сны при этом снятся... врагу не пожелаешь.

Как бы то ни было, пришло время написать агенту. Судя по всему, «Птерозавр» уже приземлился, контакт произошёл. Должна быть информация. Надо же – «Птерозавр». Ещё одна тень прошлого, на это раз воскресшая во плоти. Точнее, в композитном сплаве. Наладчик достал блокнот, стило и написал:

«Жду первичной информации. Напоминаю: никаких активных действий без согласования со мной. Ни в коем случае не раскрывать свои способности. Большие инфантилизма».

С лужайки перед домом донесся низкий, утробный рык. Опять!

Лёгким движением Наладчик перемахнул через перила веранды, приземлился на корточки за спиной Мафусаила и молниеносным движением ухватил того за загривок. Из пасти метакота торчало мышинное туловище. Мышь, чья голова оказалась в кошачьей пасти, – именно, мышь, потому что из многочисленных полёвок, крыс, хомячков и прочих жертв, Мафу с удивительной избирательностью отлавливал и душил исключительно особей мужского пола, – судорожно дёргал лапками и бил хвостом.

– Урод. Чудовище, – внятно произнёс Наладчик. – Отпусти зверя. Как тебе не стыдно, ты же практически разумное существо.

Метакот зарычал громче, но челюстей не разжал. Наладчик усилил хватку, продолжая увещевать:

– Ты же их всё равно не ешь. Ступай в свои джунгли, там хоть львов можешь рвать, хоть крокодилов.

Лет восемьдесят назад – восемьдесят лет два месяца и четыре дня, подсказал тут же внутренний хронометр – Наладчик с удивлением обнаружил, что Ирма создала для своего пушистохвостого любимца охотничью программу-симулятор, где Мафусаил мог сколь угодно много и разнообразно удовлетворять самые разнузданные, самые дремучие свои инстинкты. Некоторое время это помогало, и Мафу часами пропадал в виртуальных «джунглях», но потом стал частенько возвращаться к привычному занятию, не без оснований предпочитая одного реально удушенного грызуна десятку виртуально убиенных трицератопсов. Впрочем, и симулятором по-прежнему не брезговал.

Внезапно, трепыхавшийся мышь преобразился: оказывается, метакот сжимал в зубах уже вполне человеческую фигурку. Облачённую, кстати, в такие же белые льняные штаны и плетёные сандалии на босу ногу, что и Наладчик. Из штанов торчал всё тот же конвульсивно дёргающийся тонкий хвост.

Любимая шуточка Мафусаила: сгенерировать мыслеобраз, почти не отличающийся от реальной картинки, и транслировать так, чтобы незаметно наложить на эту самую реальность. Наведённая кибергаллюцинация, однако.

– Намёк понял, – сквозь зубы сообщил Наладчик, прогоняя наваждение. – Не боюсь. Удавишь зверя – три дня будешь без маслинки.

Мафу очень любит маслины. Крупные, чёрные. Аж трусится. Прежде чем растерзать, долго гоняет по всему дому, прыгает из засады, катает, зажимает всеми четырьмя лапами и, лишь наигравшись, уносит в укромный угол и там пожирает.

Метакот неохотно раскрыл пасть. Мышь вывалился, блеснул бусинками глаз и, на заплетаящихся лапках, словно пьяный, по длинной, неуверенной дуге ушёл в траву.

Наладчик разжал хватку, Мафусаил фыркнул, глянул долгим и скорбным взглядом и принялся вылизываться, всем своим видом показывая: и не нужны мне вовсе никакие мыши.

Блокнот обжигал руку. Усевшись в кресло-качалку, Наладчик раскрыл его и прочёл:

«Какой классный пикник! Все девчонки просто улётные, а парни – настоящие друзья! Будем петь и веселиться, чтоб поймать перо жар-птицы!»

Пару мгновений поразмышлял, взялся за стило, но тут же передумал и аккуратно положил обратно на перила.

Итак, будем анализировать.

Первое предположение – кто-то рядом, нет возможности выразить мысль – отпадает. Нет возможности – не выражай.

Второе предположение – агент перевербован. Возможно, но очень, очень маловероятно. Он, Наладчик, не первый день на свете белом, знает, кого посылать. Анализ психоэмоциональных характеристик агента, базисной устойчивости параметров личности и ещё как минимум десятка параметров – исключает.

Значит, остаётся третий, самый неприятный вариант: он, Наладчик, недооценил соперника. Хотя, судя по тому, что они учинили на Марсе, должен был, скорее, переоценить. Значит, агент разоблачён, канал перехвачен – а ведь это его личный, отдельный, надёжнейший канал, не связанный даже с Ирмой – и соперник подсовывает «липу». Странно, правда, что не пользуется возможностью втюхнуть изящную дезинформацию, а просто и незатейливо куражится. С другой стороны, такое поведение вполне укладывается в парадигму этих самых трикстеров. Шутники хреновы.

А ведь я втянул хорошего парня Хлодвигу в неприятную историю. Что делать? Ждать. Вступать в игру и затевать обмен бессмысленными сообщениями – нельзя. Пусть сами проявляют активность. Лично засветиться – рано. Непохоже, чтобы ко мне отнеслись с большой любовью, да и преклонный мой возраст этим ребятишкам тоже не повод для уважения. Кроме того, не стоит отбрасывать и версию номер один: Хлодвиг, из завышенного чувства долга, полагает необходимым отвечать немедленно, кто бы ни висел над плечом. Подождём.

Что там Мафу? Ага, валяется в траве. Всё же ушёл поохотиться виртуально. Обиделся, как всегда. Ладно. Пусть его. Всем бы котам такую жизнь... Наладчик настроился на приём текущих рапортов состояния инфосферы и вновь отключился от действительности.

Спустя несколько часов от агента всё ещё не было сообщений. Наладчик отправил ещё один запрос. Подождал. Нет ответа.

А Мафусаил-то всё так же неподвижно валяется в траве. Странно. Чем можно так долго заниматься в Виртуале? Охотиться? Не кот, а сущее дитё.

Войдя в Виртуал, Наладчик сразу же разыскал каталог блока развлечений. Здесь как всегда кипела жизнь, сотни и тысячи игроков азартно гоняли на вездеходах по горам и пустыням, вели воздушные, морские, подводные и космические сражения. Другие сотни и тысячи на познавательных тренажёрах участвовали в постановках Ирмы на исторические темы. Более вдумчивые предпочитали развивать собственные виртуальные миры-проекты. Последних, впрочем, было немного.

Даже Наладчику потребовалось бы немало усилий, чтобы разыскать в этом мареве миражей охотничьи уголья Мафусаила. К счастью, при подключении к какому-либо узлу Виртуала, Наладчик сразу обнаруживал друга по особой метке в виде ярко светящегося следа кошачьей лапки. Если, конечно, он, кот, виртуально в этом узле присутствует.

В «охотничьих угодьях» Мафусаила не было. Считав данные пользовательского файла, Наладчик убедился, что в последний раз Мафу здесь побывал трое суток назад. Трое суток, шесть часов, две минуты и тридцать семь целых, ноль-ноль сотых секунд назад загрузился и пробыл три минуты реального времени, что соответствовало нескольким дням времени виртуального...

Будем искать, подумал Наладчик. Наверное, если разблокировать эמודрайвер, я почувствую настоящую тревогу. Я уже забыл, как это – чувствовать настоящую тревогу. Но разблокировать эמודрайвер нельзя... поэтому будем искать.

Вот и коридоры Лабиринта, сейчас на какой-нибудь из дверей проступит отпечаток кошачьей лапы. Наладчик прошёл коридором Внутренних Библиотек – нет, не здесь. Свернул в сектор управления механорганами, который делился на лабиринтики входов в зоны соответственно рабочих, этических, боевых и прочая, прочая, прочая оргов и должен был оказаться в зоне орбитального и внеземного управления, но вместо этого... снова был в коридоре Библиотек. Каким образом?

Кажется, понятно, каким. Ну-ка, ещё раз. Ещё раз. Библиотеки – орги... библиотеки. В Готический зал... Чертовщина, опять орги. Попался. Делаю ошибку за ошибкой. Неужели, всё-таки, старость? Ведь опять взломали защиту Ирмы, и уже не на Марсе, а можно сказать под самым носом взломали. Очень плохо.

Наладчик открыл глаза. Как всегда при совмещении двух картин, на миг закружилась голова – нейропроцессоры-опухоли распараллелились, беря каждый под свой контроль соответствующую часть мироздания: реальную – процессор левого полушария, виртуальную – правого. Так называемый «режим усиленного функционирования», или попросту – боевой режим. Долго пребывать не рекомендуется. Знатная, однако, дилеммка, – либо, распараллелившись, медленно сходить с ума, либо навсегда остаться запертым на маршруте библиотеки – орги – библиотеки... и, кстати, где же Мафусаил? Неужели метакот в таком же капкане? Но если попробовать ещё и вот как?

Наладчик встал – перед глазами колыхались стены Лабиринта, сделавшиеся призрачными из-за бьющего в глаза солнца. Добрался до лужайки, опустился на колени перед котом и с силой потянул того за хвост.

Мафусаил издал возмущённый вопль.

– Ищи меня! – Наладчик рухнул в траву, снова ныряя при этом в «чистый» виртуал.

Метакот возник в Лабиринте через мгновение. Недоумённо глянул на хозяина, поднял хвост трубой и гордо зашагал.

Ну-ну, посмотрим. Библиотеки... орги... вот дерьмо. Орбитальное и внеземное управление.

Мафусаил, между тем, встал перед дверью доступа к базе данных модуля Первого кольца на задние лапы и энергично пошкрябал об нее передней, выпустив при этом отменного размера виртуальные когти.

Ай да, Мафу, ай да сукин кот... Не толькомышь мимо тебя не проскочит, но и самый мелкий глюк. А это не мелкий глюк, это спонтанное срабатывание орбитального геологического термазера. Дважды. Второй раз – совсем недавно. И ведь никакого рапорта не было. Вдруг есть пострадавшие?...

Додумать он не успел. Короткий пронзительный звонок – гости. Кто это, интересно, пожаловал через его личный телепорт? Неужто Хлодвиг?

Это был не Хлодвиг. Русоволосая девица с совершенно чумазым, перепачканным копотью лицом, буквально вывалилась из кабинки и ошалело уставилась на Наладчика.

– А... где я? – спросила девица.

Мафусаил с выражением крайнего интереса на морде осторожно подкрался к незваной гостье и принялся сосредоточенно обнюхивать её сандалеты.

- Хм... у меня.
- А... кто – вы?
- Меня зовут Шур, – ответил Наладчик. – Встаньте, пожалуйста, с четверенек.
- Мр-ряу!!! – хрипло рявкнул метакот, запрыгивая госте на спину...

Глава пятая

Прыжок в ничто

1

Хо повозился, устраиваясь в ложементе, и вопросительно посмотрел на «второго пилота».

– К взлету готов, – серьезно отозвался Виг.

Мастер кивнул, щелкнул тумблером громкой связи:

– Пассажирский отсек, внимание! – сказал он. – Старт через пять минут. Напоминаю, что каждый противоперегрузочный гамак рассчитан только на одного человека. Всем ясно?

«Всем... Ясно... О`кей...» – нестройно ответили «пассажиры», и кто-то смущенно хихикнул.

– Даю отсчет!...

Все эти вопросы, напоминания и предупреждения были совершенно излишни. Перед тем, как утвердиться в командирском ложементе, Мастер Хо лично зашнуровал гамаки, превратив товарищей в этаких куколок, из которых, видимо, могли вылупиться космические бабочки. В иной ситуации не было бы нужды в этих предосторожностях. Созданный для стратосферных и даже суборбитальных полетов, дельтаракетоплан способен подниматься с незначительным ускорением. И хотя лишние минуты, или даже часы не играли никакой роли в длительном полёте, всем хотелось выйти в Космос как можно скорее.

Ведь хорошо, если эринии устроили только блокаду Фобоса, не давая неведомому противнику возможности ускользнуть, а ведь могли и просто открыть огонь на поражение. И логика этих механоргов как всегда была бы безупречна: кто-то или что-то не отзывается на пароль, значит он чужак и подлежит немедленной дезактивации. Трикстеры в общем-то хорошо понимали на что идут, когда удаляли свои чипы – утрачивая, таким образом, прямую связь с Ирмой. И кто знает, не превращались ли они для нее в опасных невидимок?...

Хо ободряюще подмигнул бледному то ли от испуга, то ли от восторга Вигу, бросил взгляд на приборы и сказал, неожиданно севшим голосом:

– Стартую...

Тонкое пение реакторов, доносившееся снизу, стало ощутимо грубее. Фюзеляж пробрала дрожь. Оранжевые в свете заката, но прочерченные темно-синими тенями снежные вершины за спектролитом «фонаря» вздрогнули. Это означало, что дельтаракетоплан оторвался от поверхности и завис, чуть покачиваясь вдоль продольной оси. Приборы показали, что шасси убраны. Мастер потянул штурвал на себя и нос «Птерозавра» стал задираться, отчего оба пилота опрокинулись на спинки ложементов. Глубоко вздохнув, Хо облизнул вмиг пересохшие губы и сжал гашетку ускорителя.

Оставшиеся трикстеры наблюдали за стартом через монитор в бункере. Зависнув на выхлопе вспомогательных дюз в нескольких метрах над стартовой площадкой, «Птерозавр» вдруг взревел, вздыбился, раскалив прозрачным атомным пламенем воздух, и плавно, свечой, все убыстряя ход, взмыл в вечернее небо.

– Как красиво! – выдохнула романтическая Эми.

– Пожалуй, это стоило бы написать... маслом, – откликнулся Базз.

– Маслом ему, – буркнул Морж. – Ребята, можно сказать, жизнью рискуют, а вы...

– Что же ты тогда остался? – спросила Тихоня Несси.

– Мастер попросил, ты прекрасно слышала, – угрюмо огрызнулся Морж. – И правильно сделал, я тяжелый и ем много...

– Ага, тяжелый, – Несси ехидно улыбнулась. – В тебе, наверное, полтора центнера живого весу. А у «Птерозавра» грузоподъемность всего-ничего, где-то около ста тонн полезного груза. Несложный подсчет...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.